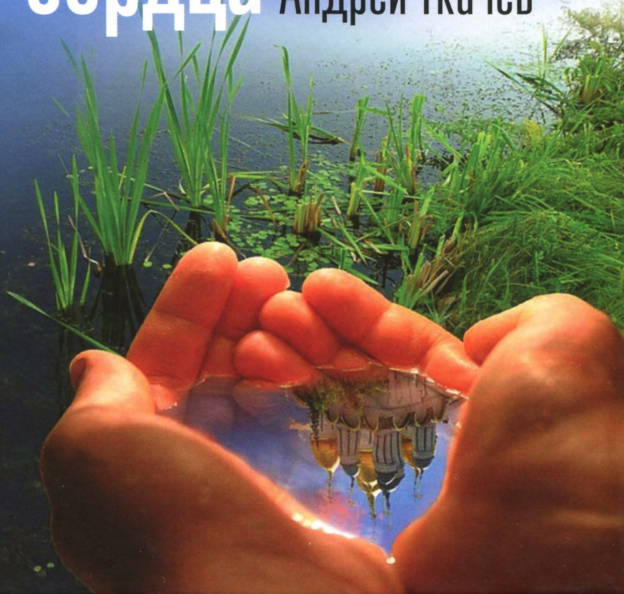

Религия сердца

Протоиерей
Андрей Ткачёв

Протоиерей
Андрей Ткачев

Религия сердца

Воздвижение
Николин день

Москва
2015

УДК 821.161.1–32
ББК 84(2Рос=Рус)6–44
Т48

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
(ИС Р 15-422-1904)

Ткачев А., протоиерей

Т48 Религия сердца / прот. А. Ткачев. – М. : Воздви-
жение, Николин день, 2015. – 192 с.
ISBN 978-5-906570-42-0

«Сердце — это начало и корень всех деяний наших. Сердцем ве-
руем или не веруем; сердцем любим или ненавидим; сердцем сми-
ряемся или гордимся; сердцем терпим или ропщем; сердцем
прощаем или злимся; сердцем примиряемся или враждуем; серд-
цем обращаемся к Богу или отвращаемся; сердцем приближаемся,
приходим к Богу или отходим и удаляемся; сердцем благослов-
ляем или клянем» — этими словами святителя Тихона Задон-
ского можно определить главную тему новой книги известного
миссионера, писателя и публициста протоиерея Андрея Ткачева.

УДК 821.161.1–32
ББК 84(2 Рос= Рус)6–44

ISBN 978-5-906570-42-0

© Протоиерей Андрей Ткачев, 2015
© ООО «Воздвижение», 2015
© Издательство «Николин день», 2015

Религия сердца

Христианство не есть религия внешних повелений и запретов. Христианство есть поклонение Богу в духе и истине. Вера наша должна в первую очередь обновить внутреннего человека. Тогда исправленный и очищенный внутренний мир неизбежно проявит себя вовне, исцеляя и правильно формируя мир внешний. Собственно, внешний мир претерпевает благие изменения только тогда, когда действует в этом внешнем мире обновленный изнутри человек.

Жизнь внутреннего человека, жизнь перед лицом Того, Который «видит тайное и воздает явно», есть вера наша.

С точки зрения внутреннего человека взглянем на главную христианскую молитву — «Отче наш». Но прежде услышим слово о сердце, сказанное Святителем Тихоном Задонским:

«Сердце это — начало и корень всех деяний наших. Сердцем веруем или не веруем; сердцем любим или ненавидим; сердцем смиряемся или гордимся; сердцем терпим или ропщем; сердцем прощаем или злимся; сердцем примираемся или враждуем; сердцем обращаемся к Богу или отвращаемся; сердцем приближаемся, приходим к Богу или отходим и удаляемся; сердцем благословляем или клянем.»

Следовательно, чего на сердце нет, того и на самом деле нет. Вера не есть вера, любовь не есть любовь, когда на сердце не имеется, а есть лицемерие. Смирение не есть смирение, а притворство, если не в сердце; дружба не дружба, а хуже вражды, если внешне только проявляется, а в сердце не имеет места. Поэтому Бог требует от нас сердца нашего: «Сын мой, отдай сердце твое Мне» (Притч.23:26).

Теперь приступим к молитве Господней.

«Да святится имя Твое», — сказано в ней сразу после призывания Отца. Мы можем и должны говорить о том, что главной славой Бога является Его вселение в человека. Войти внутрь мира нашего, все освятить Своим присутствием внутри сердца человеческого хочет Господь. И не можем мы прославить Его как

должно, пока не станем Его храмом и Его обителью.

В Солнце и Луне прославиться, а в человеке нет — разве это подлинная слава для Творца? Отнюдь. Связав именем Своим бездны, положив печать имени Своего на весь созданный мир, Господь хочет, чтобы человек дал место славе Божией внутри себя самого. «Утверди сердце мое в страхе имени Твоего» (Пс. 85:11) говорит пророк, и мы да просим того же.

«Да придет Царствие Твое», — говорим далее. Но куда должно прийти Царствие, если сперва не внутрь существа человеческого?

В Евангелии читаем: «Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие, (Иисус Христос) отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или вот, там. Ибо вот, «Царствие Божие внутри вас есть» (Лук. 17:21)

Если Царства этого внутри не будет, то никакое славное наружное действие не будет до конца славным и полезным для человека. И царь не славен, и силач слаб, и ученый глуп, если при наружных успехах страдают они от зависти, подозрений, похотей.

«Нет, пусть прежде придет Царство Божие внутрь меня, — да скажет человек, — а потом уже пусть появится все остальное. А если иначе, то в этом ни твердой победы, ни окончательного торжества».

Землей назван человек согрешивший. «Прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 3:19).

Что есть прах, если не вещество земли, которую мы топчем ежедневно. Если весь человек — земля, то и сердце в груди у него — кусочек земли.

«Да будет воля Твоя как на небе, так и на земле», — скажет человек, имея в виду землю своего сердца. На небе волю Божию творят Ангельские лики. Так же точно, так же быстро и охотно да исполняется воля Божия и сердцем человеческим, как и существом ангельским!

Ангел хлеба не ест, но Богом питается. Человек же хлеб ест, но не одним хлебом живет. Живет всяким глаголом, исходящим из уст Божиих и исполнением воли Господней.

«Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его», — говорит Христос (Ин. 4:34). Раз так говорит Новый Адам, так должны мыслить и в Нем обновленные люди.

Хлеб наш, о котором просим «дай нам его сегодня» есть и хлеб привычный, и вместе с ним — воля Божия, слово Божие, конечно же и Причастие Святое. Все это не одной плоти касается, но всего существа человеческого, и сердца — в особенности. Потому что сказано: «Хлеб укрепляет сердце человеческое» (Пс.103:15)

А приступая к прощению долгов взаимных, можем ли мы оставить сердце без внимания? Можем ли прощать только языком, не муча себя самих и не исторгая из сердец своих всякое злопамятство, всякое лукавство, всякое корыстное и хищническое к ближнему отношение? Если хотим быть Христовы ученики, то не можем. Не должны мы мазать медом уста, а ядом — сердце.

И в притче о царе, захотевшем сосчитаться со своими рабами (Мф. 18:23–35), Господь говорит о человеке наказанном: «Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешения его»

Когда же просим не ввести нас во искушения, то просим так, потому что знаем — враг хитер, а сила наша немощна. Голос честного и немощного человека — человека, смиренно

мыслящего о себе, — слышен в прошении «Не введи нас во искушение».

Дьявол заставить нас грешить не может, но может звать на грех, обманывая и обольщая. Иногда льстит он плотской сластью, иногда — призраками кажущегося добра, иногда — чудом. Есть у него в запасе еще много всякой мишуры для неравноценной покупки: «Ты мне душу, а я тебе — яркую пустышку».

И не покупался бы на все это человек, если грех не свил себе гнезда внутри сердца человеческого. А гнездо это свито, и оттуда, «из сердца человеческого исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления» (Мф. 15:19)

Имея яд внутри, как не отравляться ядом снаружи? Отсюда и просьба не допустить до поползновения на грех, до уклонения сердца от правых путей.

С любовью вспомнив об Отце и громко призвав Его в начале молитвы, в конце ее приходится говорить о сатане, спавшем с неба, как молния. У него война с нами. Не любит он нас и не полюбит никогда, но хочет сделать нас участниками и наследниками его собственной участи.

Участь же его — томление и страдание, ненасытная злоба и бессмысленное существование. Был он когда-то хорош, а теперь плох и хорошим уже не станет. Зависть гложет его и видеть ему нестерпимо, что слабые люди занимают места блаженства, от которых отпал он и ему последовавшие духи. Поэтому у сатаны с людьми война.

Мы эту войну не начинали. Она развязана до нашего рождения. Но мы вступили в нее, как только приняли Крещение. Об этом сказано: «Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6:12)

Самое главное на войне — сердце храброе. Без храбрости не поможет ни оружие новое, ни стратегия хитрая. В этой же особой войне нужна еще постоянная помощь Божия и вера крепкая. Так написано: «Паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасит все раскаленные стрелы лукавого» (Еф. 6:16)

Вера же в сердце живет, как о том святитель Тихон говорит. Если в сердце веры нет, то ее и вовсе нет. Итак, «избавь нас от лукавого» есть просьба о том. Чтобы защитил Господь щитом

веры наше сердце. И чтобы не пробила сердце наше острая и ядовитая стрела врага.

Вся молитва Господня касается внутреннего мира человеческого, а значит, и произноситься должна не устами только, но и нутром, утробой. Той утробой, о которой сказано «Дух прав обнови во утробе моей». Тем нутром и глубиной души, о которой пишется: «Из глубины воззвах к Тебе, Господи, Господи услыши глас мой».

Так, из глубины сердца молясь, часто призывая Отца, Который на небесах, будем двигаться к тому, чтобы исполнились на нас слова Павловы. Апостол преклонял колена пред Отцом Господа нашего Иисуса Христа «да даст нам крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца наши» (См. Еф. 3:14–17).

Человек по имени Иисус

Господь наш Иисус Христос есть, несомненно, сущий над всеми Бог. Его Божественная природа достаточно проявила Себя в делах,

которые никто, кроме Него, не творил: воскрешение мёртвых, изгнание бесов, власть над веществом сотворённого мира... Но ведь и человеком Иисус был реально, а не призрачно.

Каким же был Он человеком?

Иисусу была свойственна та открытость и ранимость, та незащищённость души, которую мы можем замечать (в несравненно меньшей, конечно, степени) в людях более—менее чистых или стремящихся к чистоте. Господь смел без дерзости. Он щедр без бахвальства и сострадателен без сентиментальности. В Нём созерцается та нравственная мера и то «золотое сечение», которого взыскуют все ищущие беспримесной добродетели. Но Он — человек. Не только идеальный Человек, но и «просто» человек. Физически Ему близка и понятна усталость, голод, боль, а также насыщение, радость мышечной активности, сладость отдыха. Психологически ему тоже известно всё, что может быть названо человеческим, кроме греха.

Эта добавка «кроме греха» заставляет нас напрячь ум и перевероршить внутренний опыт. Грех так сросся с человеком, что мы, без всякого страха ошибиться, можем сказать, что не знаем, что значит «без греха». Вся человеческая дея-

тельность отравлена грехом, и сто раз прав незабвенный Гоголь, говоривший о себе, что печалится, не видя «добра в добре».

Встреча с безгрешностью возможна только во Христе. Мы лечимся Христом и питаемся Им, как бы утилитарно и грубо это ни звучало. Да так и должно быть. Христом нельзя восхищаться издалека, признавать Его историчность и «вклад в учения о нравственности». Это восхищение издалека или признание заслуг есть подлинная ерунда и шелуха под видом «духовности». Христом именно нужно питаться, ибо Он есть Хлеб, сошедший с Небес. Им нужно лечиться, ибо Он — единственный действенный и лечебный пластырь для язв, покрывающих наши души.

Но я всё же хочу говорить, хотя бы отчасти, о том, что чувствовал Человек Иисус, живя на земле, что тревожило Его, что окружало Его и воздействовало на Его безгрешную душу.

Он был одинок; Его преследовали и оплетали сетями козней; Он был Жертвой задолго до смерти; Ему была известна боль — и всем этим Он очень близок нам и очень нам нужен. Ведь мы окружены густым облаком непонимания, нам страшно, нам больно, мы умрём...

С тех пор, как Он стал учить и проповедовать, Его постоянно хотели убить. Этими словами — «искали убить Его» — пестрит весь евангельский рассказ. «И ещё более искали убить Его»; «и искали схватить Его»; «Тут опять иудеи схватили камень, чтобы побить Его»; «За что ищете убить Меня?». Эти и подобные выражения передают характер тех незабываемых событий. А характер их заключался в травле Безгрешного и поиске случая, чтобы пролить Его кровь.

Три коротких года, проведённых в путешествиях и проповеди, — и, вместе с тем, три долгих года ожидания смерти. Это были годы не видимой обычному глазу травли, годы погони за Богочеловеком. При звуке Его слов мёртвые воскресают и демоны убегают, но живые люди то и дело хватаются за камни, а книжники спешно удаляются, чтобы совещаться об удобном способе устранения «этого Человека». Не ужас ли это? Чувствуем ли мы этот ужас? Замечаем ли его продолжение в истории, ведь что такое история, как не борьба греха и святости и не попытка погасить пламя праведности до конца?

Он отдаст Себя людям Сам. Собственно, уже отдал, воплотившись. Ведь вочеловечение

Сына Божия — это вечное людей с Богом со-единение. Но мало людям стать родственни-ками Богу. Они привыкли издеваться над род-ственниками, и этого нового Родственника им надо убить.

Он знает это. Даже в Гефсимании Он покажет власть, сказав Это Я и заставив пасть на землю вооружённую толпу. То есть Его взятие под стражу, последующие издевательства и смерть были с Его стороны добровольными. Им бы не бывать, не захоти Он этого. Но для этого Он и пришёл. Здесь опять вспомним, что Он — не просто Всемогущий Бог в человеческом облике, но и настоящий человек, «просто человек». Зна-чит, Он жил три года в обстановке непрестанной опасности, в атмосфере неизбежной тревоги, которую рождает опасность. Был ли Он всегда царственно спокоен, или нервы Его знали на-пряжение в предчувствии опасности?

Мы, забитые до верха телевизионным му-сором, так часто смотрим фильмы, где кого-то хотят убить, и этот кто-то убегает, скрыва-ется, ищет помощи у разных людей. Мы щеко-чем свои нервы чужим наигранным страхом, сидя в удобных креслах, и наблюдаем за тем, как удастся герою обмануть врагов и остаться

в живых. А нам бы стоило думать хоть иногда о том, как томился Господь в ожидании неизбежных страданий, ради которых Он и пришёл в этот мир. Он так и говорил: Крещением должен Я креститься; и как Я томлюсь, пока сие совершится! (Лк. 12, 50).

Среди частых угроз, то убегая от врагов, то догоняя их, жил на земле царь Давид. Даже притворяться безумным приходилось ему, пуская по бороде слюни и ища пристанища у соседних царей. Ничего такого не делает Иисус, называемый сыном Давида. Он не бежит от врагов, а просто пешком обходит города Израиля. Но Его так часто встречают враждебностью и окружают заговорами, что и Его переходы из города в город временами похожи на бегство.

Иоанн Предтеча, родившийся на полгода раньше Иисуса Христа, должен был и умереть несколько раньше. Его смерть в глазах Иисусовых должна была стать знаком приближения и Его смерти. Вот почему Он, услышав (о смерти Иоанна), удалился оттуда на лодке в пустынное место один (Мф. 14, 12). Ему нужно было часто быть одному. И не только потому, что Он думал о грядущем страдании и разго-

варивал в молитве с Отцом. Эти частые удаления от всех, эти ночи, проведённые в молитве, — это ведь не только подвижничество, но и способ выживания. Иначе, не удаляясь на время от людей, среди людей не выживешь. И закон этот тем строже действует, чем более праведного человека касается. Тем более, когда речь идёт о святых святейшем Слове.

Ему, наверное, было тяжело даже просто жить среди людей, не то что учить их и готовиться к смерти за них. Ведь Он по сути — единственный здоровый Человек, вынужденный жить среди озлобленных и больных грешников. Кровоточивые, бесноватые, парализованные составляют густой фон, на котором так отчётливо вырисовывается фигура обречённого на смерть молодого, безгрешного и совершенного Иисуса.

Он не просто исцеляет людей. Он видит помышления их (Мф. 9, 4)! Непроницаемое для обычного глаза покрывало, под которым шевелится хаос и ужас человеческого сердца, для Иисусовых глаз отброшено. И это тоже источник страданий. Страданий, совершенно не понятных для нас; страданий, которые невыносимы, если ты не любишь тех, чьи тайны тебе открыты.

Итак, Он очень одинок, Человек по имени Иисус. Он уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам (Флп. 2, 7). Он стал во всём, кроме греха, как мы, но пока Он не окончит служения, пока не вернётся туда, откуда пришёл, Он очень одинок на земле. Из Его рук едят; прикасаясь к Его одеждам, исцеляются больные, но Он всё равно одинок среди многочисленности, и это — тоже мучение.

Редкие души, подобно Лазарю, утешают Господа своей простотой и искренностью. Они даже, как Лазарь, могут получить, словно титул, имя друга Иисуса. У них дома, среди любящих и доброжелательных людей Христос находит редкий и драгоценный отдых. Марфа, Мария, Лазарь... Казалось бы, ближе всех к Нему те, кого Он избрал, апостолы. Но они так ужасающе далеки от Его образа мыслей, от понимания Его миссии, что Он однажды вынужден сказать Петру: Отойди от Меня, сатана. Ты думаешь не о том, что Божие, а о том, что человеческое. А ведь это было сразу после знаменитого Петрова исповедания!

Они восходят с Ним в Иерусалим и спорят при этом, кто из них должен быть больший. Он идёт распинаться, а они спорят о славе.

Образ мыслей Его и их разделены пропастью, и не об этом ли говорил Исаия? Как небо отстоит от земли, так мысли Мои отстоят от мыслей ваших.

Он вошёл в наше сознание и память как любящий нас. И вот мы готовы вообразить Его улыбающимся и весёлым. Протестантские открытки и буклеты так и представляют Его нам — улыбающимся другом, хорошим знакомым с распростёртыми объятиями. Но это совершенно исторически неверно. Любящий, если речь идёт об Иисусе, — значит распятый.

«Любящий», в отношении Христа не означает «весело улыбающийся», но означает «окровавленный и обессиленный, склонивший голову на Кресте». Евангельский рассказ ни разу не говорит о Нём как об улыбающемся. Зато много раз говорит о Его гневе. Он с гневом смотрит на фарисеев, скорбя об окаменении сердец их. Он с гневом запрещает апостолам препятствовать приходу к Нему детей. Ревность о доме Божиим рождает в Нём гнев дважды, и Он выгоняет из храма торговцев. Приводить примеры можно продолжить.

Гнев есть обратная сторона любви, вернее, одна из форм действия любви. Не умеющий

любить не умеет и гневаться. Он умеет раздражаться, когда его самолюбие ущемлено, но гневаться он не умет. Он толерантен — безразличен, то есть. Иисус в высшей степени нетолерантен.

Это действительно самый удивительный Человек. И вся история, которую мы называем христианской, в лучшей своей части наполнена усилиями, направленными на подлинное и глубокое познание Его. Он ищет нас, а мы забываем о Нём. Когда нам весело, мы зачастую в Нём не нуждаемся. Но зато когда нам страшно, тяжело, одиноко, мы становимся способными к встрече с Ним. И это потому, что Сам Он не имел на земле где голову приклонить, был преследуем, был непонят, был многократно обоган и оклеветан, жил под угрозой смерти и, наконец, сделал то, ради чего пришёл, — умер за наши грехи и воскрес.

Ты пришел!

Я Тебе честно скажу, без Тебя очень плохо. Есть хлеб на столе, есть друг, пришедший в гости, есть свежесваренное пиво. Трещит в ка-

мине сухое полено, младшая дочка играет на полу и сыновья рисуют акварелью парусные корабли. Идет за окнами снег, и, ёлки зеленые, чего еще может не хватать человеку для счастья?! Но я Тебе честно скажу: без Тебя так грустно!

Ты видел глаза домашнего пса? Сытого, чистого, любимого всеми пса? Конечно, видел. Ты же все видел. Какие это грустные глаза! Очень умные и очень грустные. Такие же глаза у сытого и умного человека, которого все любят, но которые не чувствует рядом Тебя.

Я всегда знал, что Ты есть. Это даже не вера. Это убежденность, это некое знание. Разве может Тебя не быть?! Но мне мало знать, что Ты есть. Я хочу чувствовать себя у Тебя за пазухой, как в теплом овчинном тулупе, хочу слышать Твой голос, вдыхать Твой запах.

Много раз я выходил за окраину города (Ты помнишь) и кричал, и звал, и молился. Я просил Тебя прийти, приблизиться, сделаться ощутимым и близким. Ты молчал. Ты ведь так умеешь молчать, как никто иной.

И я возвращался домой, оглушенный собственным криком, усталый и насыщенный воплями. И вот, когда ничто не предвещало ис-

полнение моих просьб, странные вести, одна за другой, стали тормозить и тревожить мою уснувшую и уставшую душу.

Сначала, в один из обычных зимних дней, мимо наших окон проехали трое всадников непривычного вида. На них были высокие шапки странного фасона. В замерзших пальцах каждый из них держал небольшой сундучок. Заиндевшие морды их коней говорили о том, что животные привыкли к более теплой погоде. Я открыл окно и один из всадников повернул ко мне свое спрятанное в густую бороду лицо и тихо, но внятно сказал на фарси: «У омад» — «Он пришел».

Они проехали мимо, и снежный ветер долго хлестал меня по лицу, пока я смотрел им вслед. Кто пришел? О ком сказали эти странные люди? Откуда они знают, что я чуть-чуть понимаю фарси?

На каждый день хватает своей заботы. И я не забыл о трех всадниках, чьи следы на снегу быстро замела вьюга. Я просто отодвинул мысль о них на задворки памяти и занялся домашней работой. Так прошло несколько дней. Но снова удивление ворвалось в мой дом, теперь уже высказанное на родном, а не чужом наречии.

Пастухи, старые, добрые пастухи, веселые пересмешники, которые всегда готовы посмеяться над собой, когда мы смеемся над ними, принесли в мой дом новую волну удивления. Мы часто смеемся над их бедностью и смешной одеждой, над их стадами, которые они любят больше чем своих жен. А они платят нам той же монетой, называя нас домоседами и клопами, спрятавшимися за печкой. Они говорят, что ни на какие деликатесы мира не променяют свой кусок сыра и глоток вина. А некоторые из них даже дерзают предсказывать, что эта пастушеская пища — сухари с сыром и вином — со временем станет украшением стола богатых.

Но в этот раз они были перепуганы. Их обветренные лица выражали детский испуг и искреннее удивление.

— Мы помним, что один из пастухов стал царем Израиля. Мы знаем, что его любил Бог и охраняли Ангелы. Но, честное слово честного пастуха, мы никогда не думали, что Ангелы явятся нам самим!

— Говорите конкретней, что случилось? — при этих словах я налил им по полной чашке грога.

И они рассказали, что пасли стада, как обычно; что Ангелы вдруг запели над ними, и они чуть не умерли от страха; что главная мысль Ангельских слов заключалась в рождении Кого-то, Кто принесет на землю мир и в людские души — стремление к добру.

Мы выпили с ними еще по стакану крепкого и горячего напитка, и я попросил их рассказать поподробнее о том, что они видели и слышали. Но пастухи! О, эти пастухи! Вы когда-нибудь разговаривали с пастухами? Вы пили с ними грог? Размякшие от вина, они быстро забыли тему нашего разговора и стали клевать носами. Те, кто работает на воздухе, быстро засыпают в тепле.

Они уснули, а я вышел из дома. Я знал, где они пасут свои стада, и где могло произойти то, о чем говорили люди с обветренными лицами. Снег, сухой и твердый снег, хрупал под моими ногами, пока я шел к обычному месту выпаса овец. И вдруг свет, необычайный, мягкий и теплый свет согрел мою щеку. Он не ослепил глаза, а именно согрел щеку. Видит Бог, Которому я так много молился раньше, что не пойти на этот свет было выше сил человеческих. Я пошел, и снег подо мною был

утоптан, так что было ясно — по этой дороге иду я не первым.

Не помню точно и врать не буду, кто был там, кроме меня. Старики ли это были, или молодежь. Но я прошел сквозь небольшую толпу, никого не заметив и не узнав в лицо. Дверь скрипнула, и глаз мой непроизвольно зажмурился. Не от яркого света, нет. Свет в домике был более чем скуден. Я зажмурился от сияния, окружавшего головку Младенца, мирно сопевшего на руках у Матери. Он выглядел простым, обычным ребенком. Таким, которые плачут от гази́ков в желудке, жадно ищут сосок и краснеют от долгого плача. Но я ведь не проста́к, не так ли? Я же понимаю, что никакой вол не будет дышать на младенца ноздрями, если это не особый младенец. И никакие чужестранцы не возьмут на плечи тяжесть долгого пути, если речь идет об обычном ребенке. И никакой пастух, сколько бы он ни выпил вина, не станет придумывать невозможное, приплетая к своим фантазиям Самого Господа Бога. Да и само сияние от Его темечка, оно, не говорит ли лучше всяких слов о том, Кто пришел и Кто родился!?

Я замер в углу комнаты на скрипучем полу. Замер, боясь пошевелиться и заскрипеть по-

ловицами. Мои глаза устремились в теплую и мягко сияющую глубину колыбели, а мысли заскакали, как сошедшие с ума.

«Неужели это — Ты? — думал я. — Неужели, Ты пришел? Вот так странно и неожиданно пришел?! Пришел беспомощным и слабым, нежным и беззащитным? Я думал, что изнемог, когда просил Тебя явиться. А теперь Ты явился, и я изнемог еще больше, потому что Ты пришел неожиданно, без всякого величия...

Я стоял и смотрел. А слова сплетались в цепочки и нити, а затем расплетались, оставляя мысль пустой и беспомощной. Я ждал одного, но получил другое. Я встретил то, о чем не мечтал. Самое время прекратить думать. Колени мои сами собой подогнулись, и я опустился на них, склонившись лбом до самого пола. «Ты правильно сделал», — услышал я через минуту над правым ухом. «Не надо размышлять. Надо преклониться».

Я повернул лицо и увидел сияющий взор. Только взор и только на секунду. Видимо это был один из тех Ангелов, что возвестили пастухам рождение Господа от Девы. Как хорошо они говорят! Как кратко и точно говорят Ангелы! Не надо размышлять. Надо преклониться!

Я преклонился. А теперь распрямился и стал на ноги. Младенчик все так же спал. Мать склонялась над Ним, напевая что-то тихо и нежно. Не поворачиваясь к Ним спиной, пятясь, я вышел на улицу, унося в груди такую сладкую и густую смесь ощущений, что тысячи людей могли бы напиться ею и устать от сладости.

Снег хрупал под ногами. Сухой и твердый снег. Снег опускался на мои ресницы, облеплял усы и бороду, таял на теплой коже шеи. «Он пришел», — думал я и захлебывался слезами. «Он пришел, но не так, как я просил, а по-своему, смиренно и невообразимо. Какой же Он удивительный. Какой же Он...»

Когда я вернулся домой, пастухи только что стали просыпаться. «Ну что, — спросили они, — ты был там?»

Я молчал. Снег на ресницах растаял, но пастухи умели отличить растаявший снег от слез, стоявших в глазах. И слезы благоговения они тоже умели отличить от слез боли или обиды.

«Давайте выпьем!» — сказал один из них. И этот голос был истинным спасеньем от нависшей тишины. Мы долго пили и пели, мы радовались до самого рассвета. Мы боялись

произнести лишние слова, что бы не оскорбить грубыми звуками человеческой речи ту Тайну, к Которой мы все прикоснулись.

Он таки пришел! Как интересно потечет теперь жизнь человеческая! Как сложно и хитро, как странно и счастливо теперь заживет человек!

Я был весел не в меру. Но изобилие горячего вина и шумная пастушеская компания не мешали мне всякую секунду этого спонтанного праздника твердить про себя: «Ты пришел! Ты пришел! Благодарю Тебя!»

Открыть Ему двери

Главный праздник христиан — праздник Пасхи. Это праздник воинов, выигравших битву. Израненные, но живые; уставшие, но радостные; сжимая оружие в налившихся тяжестью руках, воины смотрят на знамя победы. Вот оно медленно, но верно поднимается над войском, и из тысячи грудей раздаётся победное «ура!». Это — Пасха.

А второй по значимости праздник — Рождество. Это праздник детей. Они скачут вокруг ёлки, взявшись за руки, срывают с её пахучих веток пряники и конфеты, и никто их за это не ругает. Сегодня праздник и можно всё, кроме, разве что зажигать огонь под ёлкой. Под каждой подушкой подарок, в воздухе запах апельсинов, и стёкла окон раскрашены морозом так, что лучшему художнику повторить не под силу. Это — Рождество.

В течение одного литургического года Церковь даёт нам в полной мере пережить духовное детство и духовную зрелость — по крайней мере, по разу. Сначала человек бывает маленьким. Поэтому праздник христианского детства — Рождество — стоит вначале. Затем человек вырастает и окунается в драматическую двусмысленность жизни, где можно не заблудиться и не пропасть только благодаря Пасхальной победе. Эти два праздника взаимосвязаны и натянуты между полюсами христианской жизни, как звенящая струна. Они образуют ось, вокруг которой вращается Вселенная. И мы в этом году вновь в очередной раз дышим морозным и пьянящим воздухом Богоявления.

Я не ошибся: праздник Рождества, так же как и праздник Крещения, носил в древности это имя, и долгие годы оба праздновались в один и тот же день. Поскольку воздух этого праздника — воздух радостного детства, я позволю себе объяснить его смысл ещё одним детским примером. Многим из нас известно, как любопытны дети, как жадны они ко всему новому и необычному. Всклопоченный, как воробей, мальчуган вбегает во двор (класс, детскую площадку) и с сияющими от радости глазами кричит: «Эй, пацаны, там такое!» Десятки глаз загораются в ответ: «Какое? Где?» Объяснять долго и трудно... «Айда покажу!» И вот уже быстрые детские ноги с топотом конского табуна бегут за первооткрывателем, за тем, кто первым увидел что-то необычное.

Так и нам предстоит с любопытством и замиранием сердца (ничуть не уменьшающимся оттого, что мы знаем, что произошло) побежать к Вифлеемской пещере. Ни у кого из нас нет отговорок: пойти туда должны все. Если ты любишь науку, изучаешь природу, постигаешь смысл мироздания, но не молишься Богу и не веришь в Христа Его, волхвы обличат тебя и звёзды будут мерцать над тобой осуждающе.

Если ты прост и неучён, зарабатываешь свой хлеб тяжелым и однообразным трудом и при этом ропщешь на судьбу, считаешь христианство привилегией сытых и праздных — пастухи станут пред тобою живым и молчаливым укором. Даже если ты осёл (например, по упрямству) или вол (скажем, по неповоротливости ума) — и тогда наклонись к яслям и согрей Новорожденного паром твоих ноздрей.

Одна из лютых бед нашего времени — одиночество. Классическое, традиционное общество разрушается. Слабеют кровные связи, шатается брак, естественное становится редкостью, уродливое называется нормой. Человеку, живущему среди суетливого многолюдства, может быть годами не с кем поговорить. Небо становится свинцовым, и кажется, что Там о тебе не помнят. Земля становится неприветливой, и ты ходишь по ней так, как будто вытираешь об нее ноги, со страхом думая о том, что в неё же придётся возвратиться. «Я не убил и не украл», — любит говорить про себя современный человек в качестве самохарактеристики, и, несмотря на это, живет, как Каин, стеная и трясясь.

И тут такая радость! Ко мне пришёл Великий Гость. «Ко мне идёшь, Господи. Меня ищешь,

заблудшего», — такими словами Церковь многократно воспевает пришествие Бога в мир. Бог пришёл к нам в гости. Крайне нечестиво не оказать Ему гостеприимство: не прибраться в доме своей души, не приготовить что-нибудь пусть нехитрое, но вкусное. Совсем кошмарно — не открыть Ему дверь.

Гостеприимство не зря считалось величайшей добродетелью на Востоке. Люди как будто чувствовали, что радушие к неизвестному страннику может родить из себя нечто большее. И действительно, некоторые под видом людей принимали в гости Ангелов, и за это принимали благословение, спасались от гибели... Но самым большим и неожиданным плодом гостеприимства является принятие в гости Самого Христа. Вот ещё одна грань этого праздника. То есть в этот день мы и хохочущие, пляшущие возле ёлки дети, и — радушные хозяева, открывшие дверь на стук и неожиданно впустившие в дом Владыку мира.

Чем больше живёшь и думаешь, тем больше удивляешься: как люди живут без Бога? Чем они живут? На что надеются? О чём радуются? И вообще, жизнь ли это? Сам Христос удивлялся на земле двум вещам: вере и неверию. Он ра-

достно удивился вере капернаумского сотника и, глядя на законников, дивился неверию их (Мк. 6, 6). Давайте в эти радостные дни удивим Спасителя верой. Давайте сделаем, кто, что может для того, чтобы в нашем пластмассовоцеллулоидном мире Богу было чем любоваться.

Задача номер один

Человек ищет человека. Но ещё более человек ищет Бога. Во все времена и на всех континентах наша общая задача — встретить Его и ответить на Его любовь. Как легче это сделать — живя среди людей или удалившись от мира? Где человек, любящий Бога, может обрести подлинную свободу?

Чтобы меньше грешить, нужно меньше говорить — *silendo nemo peccat*. Молчать совсем — это то же, что уйти от людей, поскольку пребывание в мире людей предполагает неизбежное общение, приноравливание, подлаживание друг под друга, скрытый обмен грехами и добродетелями. С людьми, не желающими

спасаться, невозможно спастись. Поэтому великий Арсений услышал: «Арсений, бегай людей, и спасёшься».

Когда человек не ест или почти не ест, он ослабляет связь с землёй и всем видимым миром. Через чрево, грубо сказать, через брюхо, мы связаны с «этим миром», как через пуповину — с матерью. Пост — это перерезание пуповины, попытка выхода в самостоятельное личное бытие. Уйти от людей, чтобы не грешить и не есть, чтобы не рабствовать у стихий — вот, вроде бы, и монашество. Однако — ещё нет.

Древние многое поняли, ещё больше ощутили, но не сумели высказать. И бегство от мира, и воздержание с молчанием были им понятны и ими похвалены. Однажды стоики спросили иноков (дело было в Египте), в чём между ними разница. Ведь не женаты, бедно одеты и постятся как те, так и эти. Иноки сказали: «Мы уповаем на Бога и пребываем в благодати». Стоики смиренно сказали: «Этого у нас нет».

Можно гордо уйти от людей, буквально плюнув в их сторону на прощанье. Можно из гордости ни с кем не общаться. Может быть, это будет бесовский подвиг. Может, бес не

будет нападать на такого отшельника, но будет с ним незримо беседовать, подбрасывать «глубокие мысли».

Уйти от мира нужно ради Бога и ради людей, которых подвижник видимо покидает, но ещё более с ними срачивается в молитве. Молитва нужна. Всё предыдущее — неядение и добровольное одиночество — лишь вспоможение для молитвы. Нет молитвы — нет ничего. И тогда незачем куда-либо убегать, поститься тоже незачем, поскольку это будет бесполезным. Если же есть молитва, или хотя бы зародыш её, тогда остальное приложится.

Молитва даст свободу. Дерзну сказать, что кто не молится, тот никогда свободным не бывал. Свобода перемещений — разве подлинная свобода, если, перемещаясь, человек грешит теми же грехами и мучится теми же угрызениями совести? Свобода потребления — разве подлинная свобода, если желания разгораются и глаза разбегаются, а радость приобретения проходит быстро, как у ребёнка?

Человек свободен от тысячи условностей только в день прощания с условностями. Я по-настоящему свободен в общении с начальником, когда прошение об увольнении уже

подписано. Вот теперь я могу (если, конечно, захочу) сказать всё, что думал и о чём молчал.

Какой-то герой Набокова решил застрелиться. И пока он шёл по улице, обдумывая свой дерзкий план, странная мысль посетила его. Он понял, что свободен. Он может делать сейчас всё что угодно. Никто и ничто ему не указ, поскольку он уже решился на радикальный разрыв с этим миром.

Кто любит только этот мир, тот будет его рабом, будет заискивать и заглядывать миру в глазки, рабски выгнув шею. Нужно любить иной мир, чтобы свободно вести себя в этом. Иначе все разговоры о свободе, простите, — глупость, чушь и рабские самооправдания. «Видели, как собака бьющую руку лижет?»...

Какого-то философа в древности упрекали в том, что он аполитичен и совсем не интересуется делами отечества. «Вовсе нет, — говорил он, — я очень интересуюсь своим Отечеством», — и при этом показывал рукой на небо. Сегодня трудно найти христианского священника, который ответил бы подобным образом, а ведь философ был эллином, язычником.

Диоген ходил по рынку с фонарём и говорил, что ищет человека. Этим он давал понять

всем слушающим, что они не люди, но в лучшем случае человекоподобные существа. Он изрядно оскорблял тех, кто его видел и слышал. Он их, по сути, называл ишаками или тараканами. Но, во-первых, делал это так, что глупые не понимали. А во-вторых, наказать Диогена было невозможно. Он сам предварительно себя наказал. Ходил голый, жил в бочке и был вечно голодным. Он был свободен от людей, и мог, поэтому говорить им обличающую правду.

Подобным образом впоследствии поступали христианские юродивые. Их терпели по необходимости. Будь они хоть в мало-мальски социальном статусе, их бы порвали на части. Ведь православное царство тоже может быть похоже на тюрьму, если никто не говорит властителю правду. Православному царству нужны пустыни, заселённые бесстрашными иноками, и юродивые подвижники на улицах городов. Эти две категории святых наименее уязвимы для власти. Всех остальных, вплоть до патриархов, можно низлагать, душить, травить, опорочивать. Так унизили и изгнали Златоуста, невзирая на святительский сан, народную любовь и подлинную праведность.

Златоуст тоже говорил, что редко видит перед собой людей, но видит существ, подобных людям. Однако упёртых, как ослы, похотливых, как жеребцы, хитрых, словно лисы, и ядовитых, как змеи. И Златоусту этого не простили. Он умер в ссылке, словно корабль, выброшенный волнами на пустынный берег вдали от родины.

Его было чего лишать, Златоуста. С него можно было сорвать ризы, его можно было объявить еретиком, собрать против него Собор, опорочить его имя. Тот, кто высоко стоит, уязвим со всех сторон и открыт любой буре. Тех, кто стоит на высоте, заранее жалко. На вершину свою они должны всходить, как на помост для публичной казни. Только в этом случае они будут способны сказать слова святого Василия, обращённые к префекту Модесту: «Я слаб, и только первый удар будет чувствительным. Я не боюсь изгнания, потому что везде Господня земля. У меня нет имущества. Я не боюсь смерти, поскольку она соединит меня с Богом».

Получается, что нужно умереть ещё до смерти, чтобы пришедшую смерть встретить мужественно. Платон так и говорил. Философия, говорил он, учит не столько жить, сколько

умирать. Эти древние, как ни крути, поняли очень многое. Не зря отцы Церкви перепахали свои ум и сердце плугом философии, прежде чем засеять их семенами Евангелия. И Василий Великий с Григорием Богословом, находясь в Афинах, посещали не только храмы, но и училища. Как затем учил Василий, они, подобно пчёлам, садились не на всякий цветок. С того же, на который садились, не всё с собой уносили. Они были жадны к знаниям, но избирательны. Не будь их ум обогащён всем, чем они сумели обогатиться, они стали бы постниками и подвижниками, но никогда не стали бы вселенскими учителями.

Если только учиться, то, чего доброго, к пытливой душе, как к Фаусту, явится Мефистофель. Знаний много, в душе покоя нет. Отчего же ему не явиться? Значит, окна кабинета нужно раскрывать, чтоб слышен был пасхальный перезвон. И выходить из дома надо хотя бы раз в неделю на литургию. Тогда жизнь сердца уравновесит жизнь ума, и можно будет не бояться крайностей.

Всё нужно душе испробовать понемножку. Нужно бежать от людей и нужно, со временем, к людям возвращаться. Нужно молиться, от-

казавшись от еды и воды, и нужно затем опять есть и пить, ощутив, что ни молиться, ни поститься ты толком не умеешь. Нужно приобретать свой внутренний опыт, а затем проверять его по книгам святых людей. Иногда ничего, кроме Псалтири и Евангелия, читать не надо. А временами хорошая книга, прочитанная или перечитанная — неважно, должна дать душе покой и тему для раздумий.

Древние — они ведь никакие не древние. Они современники наши, и даже собеседники. Одни и те же задачи решают от века люди, произведённые от одной крови для обитания по всему лицу земли. И вся задача их — в поиске Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас (Деян. 17, 26–27).

Христианство невозможно выдумать

Христианство невозможно выдумать. Это не философия, не придуманный культ. Это

факт, яркий, как вспышка. Имя этого факта звучит непривычно, странно, удивительно: Бог стал человеком. Если говорить словами Писания, то «Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины» (Ин. 1: 14).

Бог! Слыша это великое слово, человек вспоминает все превосходные качества. Всесильный, премудрый, вездесущий. От Него ничто не скрыто, Он знает и видит всё. Он содержит всё и управляет всем. Одно из Его имен — Вседержитель. Что будет, если Он сойдет на землю? Древний праведник представил это, и вот какие слова вырвались из его души: «О, если бы Ты расторг небеса и сошел! Горы растаяли бы от лица Твоего, как от плавающего огня, как от кипящего воду» (Ис. 64: 1–2).

Но вот Он сошел, и не растаяли горы. Зато Ангелы запели: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение» (Лк. 2: 14).

Он сошел странно и тихо, как роса на иссохшую землю. Он родился без семени мужа от Духа Святого и Девы Марии и стал человеком. Три мудреца с Востока совершили долгий путь и принесли Ему дары. Особая звезда вела

их к месту Рождества. Звать Бога в воплощении — Иисус Христос.

На Личности Иисуса Христа и на фактах, с Ним связанных, стоит и утверждается христианская вера. Христос — единственный, едиnorodный Сын Небесного Отца. Он во всем, кроме греха, стал таким, как мы — люди, чтобы усыновить нас, как братьев, Своему Родителю. После Своего Воскресения Он говорит ученикам: «Восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему». Во Христе мы усыновляемся Творцу неба и земли и теперь можем обращаться к Нему: «Отче наш». С этих слов и начинается молитва, которой научил Христос апостолов.

В раннем детстве Он успел побывать беженцем, и на руках матери в Египте спасался от меча иродовых солдат. Потом, вернувшись в землю Израиля, Он прожил скромно и незаметно до 30 лет — до возраста, позволявшего проповедовать.

Перед Ним в силе и в духе пророка Илии вышел на проповедь Иоанн Креститель. Громкий голос Предтечи, как львиный рык, с царственной силой призывал людей к покаянию. Так было нужно, потому что душа, не кающаяся,

замершая в грехах, не способна к вере. Люди каялись и под руками Иоанна окунались в иорданскую воду. Туда же, на Иордан, пришел и Иисус Христос. Не требуя покаяния, Он вошел в воду, как один из грешников. В это время сошел на Него в виде голубя Дух Святой и Отец Небесный сказал: «Ты Сын Мой возлюбленный! В Тебе Мое благоволение!» (Лк. 3: 22).

После этого Христос провел в пустыне 40 дней в посте и вышел на проповедь. Эту проповедь можно сравнить с яркой вспышкой света для людей, привычно сидящих в темноте. Так и говорил пророк: «Народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет» (Мф. 4: 16). Христос говорил о том, что приблизилось Царство Небесное. Наступило время каяться и веровать в Евангелие. Слово Свое Он подтверждал делами.

Что сказать об этих делах Иисуса Христа? Со временем один из евангелистов заметит, что если бы описывать их подробно, то и весь мир не вместил бы написанных книг (см.: Ин. 21: 25). Христос выгонял демонов, исцелял всякие болезни, умножал хлебы, ходил по водам, воскрешал мертвых. Он так и говорил:

«Всё предано Мне Отцом Моим» (Мф. 11: 27). И то, что действительно всё отдано Отцом в руки Сына, мы видим по той власти, с которой Христос воздействует и на мир духовный, и на мир материальный.

Он знает человеческое сердце. И это знание ужасно, потому что грязны сердца людские. Однако Он никого не судит, никого не презирает и никого не гонит вон, кроме дьявола. Только падшему духу говорит в пустыне Сын Божий: «Отойди от Меня, сатана» (Мф. 4: 10). Людям же говорит: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные». Грешники тянулись к Нему, потому что Он не только не унижал и не насмехался над падшими, но прощал им грехи и приносил ту радость и легкость, которую никто кроме Бога дать не может. Кротость Христа в обращении с грешными, но кающимися людьми лучше всего выражается словом пророка: «Трости надломленной не преломит, и льна курящегося не угасит» (Мф. 12: 20).

Одинаково нетрудно было Сыну Божию, смиренному, но всесильному, обращаясь к грешнику, сказать: «Отпускаются тебе грехи», — и, обращаясь к парализованному человеку, сказать: «Встань и ходи» (см.: Мф. 9: 1–6). И в

том, и в другом случае слова Христа были делом — и грехи действительно прощались человеку и болезнь уходила.

В этих трудах Христос провел около трех лет. Как свеча, зажженная и поставленная на подсвечнике, Он не мог утаиться. О Нем слышали всюду. Но не любовью и не радостью откликнулись сердца многих в ответ на Его приход и Его деятельность. Приближалось время Ему стать Жертвой. Он знал об этом. Более того — для этого Он и пришел. Он знал не только о Своей смерти, но и о том, как именно Он умрет — на Кресте. Об этой крестной смерти Христос говорил заранее: «Когда вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе» (Ин. 12: 32).

Его предал один из учеников. Христос был схвачен, но не просто убит, а судим и несправедливо осужден на смерть. Перед распятием Его жестоко били римские солдаты в претории. Вместе с Христом были распяты два злодея. В это время солнце не захотело светить на землю, и камни, словно негодуя, с шумом трескались. Люди же у подножия Креста говорили: «Сойди с креста, и мы уверуем в Тебя. Иных спасал, а Себя не можешь спасти?» Наконец, сказав:

«Совершилось!», Христос приклонил главу и отдал дух.

Он был оплакан Матерью и малым числом учеников и поспешно погребен недалеко от места страдания. Двери в гроб Его были закрыты большим камнем. Для тех, кто любил Христа, жизнь потеряла смысл. Для тех, кто Его ненавидел, настало мрачное тожество.

Оно длилось недолго. Ни гроб, ни смерть Христа не удержали. Он воскрес! Он жив, и смерть над Ним не имеет больше никакой власти. Яркой вспышкой в ночи греха было Христово Рождество. Вспышкой света для сидящих во тьме был Его выход на проповедь. Но самой яркой вспышкой стало его Воскресение. Доныне и вовеки сияет и будет сиять свет Божий из пустого гроба, в котором на малое время уснул Безгрешный Господь.

Вот оно, христианство! Теперь проповедь о Воскресшем предстояло разнести по всему миру. Нужно было возвестить людям всех племен и народов победу над смертью и новую жизнь, начавшуюся во Христе. Кто уверует, примет крещение и отпущение всех грехов, тот обручится с Иисусом как с Царем грядущего Царства. И совершилось всё это, когда Дух

Святой сошел на апостолов, когда была им подана непобедимая сила и смелость свидетельствовать о Христе умершем и воскресшем.

Духовная свобода, братская любовь, предчувствие будущей жизни — вот что такое христианство. Ненависть к греху, любовь к праведности и стремление к святости — вот что такое христианство. И это не частная собственность одного или нескольких народов. Это дар Божий для всего человечества. Наш народ к этой радости приобщился со времен Владимира.

Возраст зрелости

«Иисус, начиная Свое служение, был лет тридцати», — говорит евангелист Лука (Лк. 3: 23). 30 лет — это возраст Солнца в зените. Это уже не восход созревающей юности и не начавшийся закат, где в зрелости уже угадывается грядущая старость.

Старость Христу не угрожала. Старик Христос невозможен. Он — Агнец, приносимый в

жертву, а Агнец по определению не должен быть ни стар, ни хром, ни болен. Поэтому Он молод, совершенен, красив и безгрешен.

«Ты прекраснее сынов человеческих; благодать излилась из уст Твоих» (Пс. 44: 3).

Но младенчество, детство, отрочество и юность в свой черед были прожиты Иисусом Христом. А раз прожиты, то и освящены были эти возрасты человеческой жизни жизнью Богочеловека. До Христа мудростью хвалилась в основном седина и многоопытная старость. Детство казалось невинным, но бесполезным. Юность была шумна, дерзка и похотлива. Зрелость склонялась к житейскому прагматизму. Она говорила, что закон Господень хорош, однако шепотом добавляла: «Мы считаем надменных счастливыми: лучше устраивают себя делающие беззакония, и хотя искушают Бога, но остаются целы» (Мал. 3: 15).

Мы до сих пор болеем всеми этими болезнями, потому что не хотим лечиться во Христе и Христом. Врач пришел, и кто хочет, может идти за исцелением. А у кого огрубело сердце, кто ушами с трудом слышит и очи свои сомкнул, те, говорит Господь, «не уразумеют сердцем и не обратятся, чтобы Я исцелил их» (Ис. 6: 10).

Детству свойственна немощь ума, неведение. В отношении предметов Божественных человек может оставаться совершенным ребенком даже до глубокой старости. Но при правильном развитии детство должно перейти в отрочество, и у этого отрочества в руках должна быть Книга.

В 13 лет по иудейской традиции мальчик становится «сыном завета». В присутствии взрослых и — обязательно — родителей он читает отрывок из Книги закона. С этого момента он считается взрослым и обязанным исполнять все заповеди. Детство — и вместе с ним неведение — кончились.

Мы как раз и видим отрока Иисуса в Иерусалимском храме в возрасте 12 лет, то есть меньше чем за год до совершеннолетия. Еще Господь ничего не проповедует, потому что по возрасту не имеет на это права. Но Он «сидит посреди учителей, слушающий их и спрашивающий их» (Лк. 2: 46). Он — Слово, пришедшее в мир для избавления нас от бессловесия. Пока плотский возраст Его требует молчания, Он молчит. Но Он и молча врачует человеческую природу. Иисус был младенцем, значит, возможна младенческая святость. Он был отроком,

значит, стала возможной святость отроческая, а вслед за ней и юношеская, и зрелая.

Юность горяча и страстна. «Юношеских похотей убегай», — говорит Павел Тимофею (2 Тим. 2: 22). Юношеские похоти — это все то, что рождает избыток силы в цветущей плоти. Избыток силы при жизненной неопытности.

Во Христе похоти нет. И не потому, что Он обуздал плоть воздержанием, а потому, что Его безгрешие коренится в Его Божественной природе. Он для того и стал нашим Братом и усыновил нас Своему Отцу, чтобы свойства Свои: мудрость, кротость, непорочность — сообщились через веру и благодать нам — Его многочисленным родственникам.

Христос жил в маленьком и незначительном Назарете, слыша о котором, люди посвистывали: «Из Назарета может ли быть что доброе?» Это был тот самый маленький населенный пункт, называемый «городом», но более похожий на село, где все всех знали. В селах стены домов прозрачны. Люди живут друг у друга на глазах. И никто не мог сказать об Иисусе Христе хоть что-либо предосудительное. Весь мир молчал, как немой, когда Христос спрашивал: «Кто из вас обличит Меня в грехе?» На этот вопрос

всегда будет звучать молчание, потому что «Он не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его» (1 Пет. 2: 22).

После детства с его неразумием и юности с ее ошибками поджидает человека взрослая жизнь со своими заботами и проблемами. В притче о сеятеле это называется «заботы века сего, обольщение богатством и другие пожелания» (Мк. 4: 19). Они, входя в сердце, «заглушают слово».

Человек в этом возрасте теоретически знает, что «не хлебом единым будет жив», но «глаголы, исходящие из уст Божиих», он отодвигает на потом, а сам хлопочет вокруг хлеба и того, что к хлебу. Начинается то, что И.А. Гончаров в литературе изобразил под названием «Обыкновенной истории». Это — прощание с идеалами и превращение человека в скептика и материалиста, а иногда — в циника, считающего себя знатоком жизни и человеком опытным. В зрелые годы таковых большинство.

Христос и здесь врачует наши души. Он показывает человеку перспективу иной — вечной — жизни, в свете которой теряет свою ценность любое богатство. Именно эта перспектива иной реальности рождала в христианской ис-

тории добровольную бедность подвижников и щедрую милостыню благочестивых богачей. Одним Он говорит: «Раздай все и иди за Мной». Другим (фарисеям): «Давайте милостыню из того, что есть». Он смотрит на богатство иными глазами, в которых две лепты вдовицы стоят дороже богатых пожертвований. Он приносит нам истинную свободу от чванства, зависти и тщеславных предрассудков. Теперь в Нем и с Ним можно по-настоящему обогатиться без тех внешних атрибутов богатства, что давят к земле и раздражают чужую зависть.

От трех болезней: неразумия, похоти, стяжательства — нужно лечиться всю жизнь. Они не проходят с возрастом, как детские болезни или мечты юности. Хотя каждой из них свой возраст соответствует. И Христос, вполне здоровый и душой, и телом, неразлучный от Отца и свободный от всякого греха, именно пришел, чтобы сообщить нам, больным, Свое здоровье. И на Крест Он идет не ранее, чем пройдя все человеческие возрасты, предшествующие зрелости.

Он играл в детстве и трудился в юности; Он пил воду и вдыхал воздух; Он чувствовал голод и мышечную усталость. Он вобрал в

Себя всю человеческую жизнь и прожил ее, не совершив ничего того, что прогневляет Отца и разлучает с Ним, то есть без греха.

Ему не надо дожидаться старости, да и она в отношении Его вряд ли возможна. По Божеству — Он совечен Отцу и «ветхий днями». А по человечеству — «Иисус, начиная Свое служение, был лет тридцати».

Догмы

Хочется проследить связь между корнями и плодами, или между догматами и этикой. Можно умом разделять правильные идеи, но жизнью их не оправдывать. На фоне этого извращения, за которым прочно закрепилось имя фарисейства, многим кажется, что между мыслями и делами существует пропасть, и не так уж важно, что ты думаешь, — важно, что ты делаешь. Это, конечно, ошибка. От дерева с гнилыми корнями бесполезно ждать вкусных плодов. По слову Иисуса Христа, не собирают с репейника смоквы.

У правильной этики должна быть правильная догматика. Ошибка в догматике рождает ошибку в этике. Если в инженерных расчётах большого моста неправильно поставить одну цифру, пропустить ноль, перепутать степень, то расчётную ошибку нельзя будет исправить ни дополнительными металлоконструкциями, ни избыточным бетоном. Неправильная буковка и недостающая циферка обвалят огромное сооружение. Расчёты можно сравнить с догматом, а бетон и железо — с делами. Чтобы по мосту пошли люди и покати́лась техника, нужно, чтобы было правильным и то, и другое.

Догмат предполагает заповедь. Над Иорданской водой был слышен голос Отца: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, Его слушайте». «Сей есть Сын Мой возлюбленный» — это догмат. «Его слушайте» — это заповедь.

Любое полновесное изречение Писания, воспринятое умом и сердцем, рождает из себя дела. Например, мир сотворён из ничего. Это значит — не кланяйся стихиям, не почитай солнце и луну, воздавай честь Богу, создавшему солнце, луну и всё остальное.

Или — человек сотворён последним в ряду живых существ. Это значит: захочешь гордиться-

ся — вспомни, что комары и черви сотворены раньше тебя. Но если впадёшь в уныние, вспомни, что мир без тебя не полон, он сотворён для человека, он всего лишь дом, а ты в нём — хозяин.

Бог сотворил одного человека и поручил ему Вселенную. Это значит, что от тебя многое зависит, да и сами заповеди обращены к человеку в единственном числе, то есть к каждому в отдельности. Не прелюбодействуй, не убий, чти отца и мать...

То, что человек думает о Боге, теснейшим образом связано с тем, что он думает о себе. Люди, верившие в то, что богов много, додумались до того, что и жизней много, что человек, меняя телесные оболочки, посещает мир многократно.

Люди, не верящие в Бога или богов, верят, что жизнь даётся один раз, но за пределами земной реальности нет ничего. Им кажется, что жизнь на земле начинается и на земле заканчивается. Наконец, люди, верящие в Единого Бога, также исповедуют единственность и уникальность своей жизни, но при этом верят в вечную жизнь и в существование за гробом.

Насколько разнятся между собою культуры, выросшие из разных догматических зёрен, ста-

нет понятно, если сравнить, пусть даже поверхностно, цивилизацию Индии, Советский Союз и православную Византию.

У гипсовых скульптур есть проволоочный скелет. На нём всё держится. Так и внутренний, мысленный мир человека подобен скелету, на котором держится плоть. Гниль в костях заставляет тело разваливаться, а мысленная гниль заставляет поступать неверно. Там, где Бог обращается к человеку и необходимые священные знания идут сверху вниз, там человек воспринимает открытое, а затем должен включать волю для воплощения правильной модели поведения. Именно так: понял, затем употреби усилие и делай то, что нужно.

В другой модели поведения ситуация иная. Человек грешит, не может или не хочет каяться и ищет себе оправданий. Ему нужна догматическая система, мировоззрение, чёткая аргументация для того, чтобы продолжать грешить и не мучиться совестью. Если в первом случае нужны были знания и усилия, то во втором случае нужно безволие и фантазия.

Если я потомок обезьяны, вернее, если я соглашусь с этим догматом, какая этика мне останется? Можно перестать мучаться совестью

там, где инстинкт победил свободу. В конце концов, какой с обезьяны спрос? Если правы различные экономические теории, если деньги — это кровь человечества, а их наличие дарит долгожданное счастье, то я уже не сребролюбец. Моя жизнь вписывается в нерушимые законы, она оправдана, моё стяжательство извинительно, да и самого Иуду следует вытаскивать из ада за те несчастные тридцать серебряных монет.

Среди великих мужей, устами которых говорил Бог, есть три человека, поставляемых рядом друг с другом. Это Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст. Они учили правильному богопознанию, давали пример деятельной любви к ближнему, преображали скотоподобие и звероподобие людей в богоподобие. Плодами их жизни мы пользуемся до сих пор.

Список мудрецов века сего обширен. Но можно выделить трёх, которые больше иных потрудились в придумывании и обосновании ложных догматов. Это — Дарвин, Маркс и Фрейд. Из отдельных правильных фактов они попытались выстроить теории, претендующие на то, чтобы исчерпывающе объяснить весь

мир. С тех пор как эти выдающиеся учёные, но плохие догматисты потрудились в мире и начатое ими продолжили многочисленные последователи, миллионы людей верят и думают о себе, что они прямые потомки приматов, что главный рычаг истории — товарно-денежные отношения, что каждому мальчику хочется убить отца и переспать с матерью.

Эти воззрения преподаются в университетах, по их мотивам снимаются документальные фильмы, эти идеи составляют внутреннее наполнение некой всемирной проповеди о том, кто же такой «по-настоящему» человек и как ему нужно жить. В завуалированном виде это, собственно, проповедь человеконенавистничества. Это догматическое, идейное человекоубийство, которому нужно противопоставить проповедь истинных догматов.

Есть два главных источника, из которых журчат ручейки правильных мыслей о Боге, сотворённом Им мире и месте человека в этом мире. Это первые главы Книги Бытия и Четвероевангелие. Сливаясь вместе, они образуют реку, способную утолить нашу жажду правильной этики. Правильно думать и плохо поступать — гнусно. Но ничуть не лучше стремиться

к тому, чтобы поступать хорошо, но не придавать значения правильному образу мыслей. Это всё равно что тушить костёр маслом или учиться летать, прыгая к крыши.

Ангельская песнь

Люди кратковременны. Поколения сменяют друг друга, словно волны, раз за разом накатывающиеся на берег. Если Бог скажет нечто важное одному поколению, другое поколение, пришедшее следом, может это забыть. А третье скажет: «Я ничего не знаю. Мне никто не сказал». Поэтому самые важные вещи Господь говорит перед лицом неба и земли. Это верные свидетели. От дня творения и до дня огненного Суда они не изменятся. Между ними живёт человек, землю попирая ногами и к небу устремляясь лицом. Они напомнят, если нужно, забывчивому человеку то, что слышали однажды.

Внимай, небо, я буду говорить; и слушай, земля, слова уст моих, — это голос Моисея, предрекающего казни за отступление от Бога

(Втор. 32, 1). Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит, — это голос Исайи, горько сетующего на то, что предсказания Моисея об отступлении совершаются на его глазах (Ис. 1, 2). А вот и третья песнь, но уже не обличительная, а радостная, соединившая небо и землю в ту единственную ночь, которая никогда не повторится и никогда не забудется. В ней тоже говорится о земле и о небе. Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!

Ангелы с неба запели о том, что на землю приходит мир. Мир пришёл в виде маленького Ребёнка, родившегося в пещере. Ангелы пели о свершившемся факте. Мир — это Христос. Он родился. Он уже на земле.

Ангелы знают больше, чем человек, но и они не знают всего. Будущее скрыто от них, и тайнам Божиим они удивляются вместе с человеком. Они, наверное, думали, эти светлые и радостные служители Воплощения, что теперь, когда Владыка поселился среди людей, люди прекратят злопамятствовать и гордиться, лгать и красть, блудить и волхвовать. Они имели все основания думать, что люди изумятся Божественному снисхождению так, как изумились

они сами. «Они обрадуются и одновременно затрепещут, — думали небесные певцы, — они научатся любить и переменят жизнь так, как меняют старую одежду на новую». Им пришлось удивиться. В очередной раз люди повели себя непредсказуемо.

Вначале они захотели убить Христа. Ещё в воздухе носилось эхо ангельской песни, а в вифлеемских окрестностях уже раздались душераздирающие крики. Это воины на глазах матерей убивали грудных младенцев. И Христос, едва родившись, стал беженцем. Привыкшие закрывать лица при взгляде на Славу Божью, Ангелы закрывали лица, глядя на избиение детей и провожая взглядом удалявшихся Иосифа и Марию с Младенцем.

«Мир уже на земле, — думали чистые духи, — но много времени пройдёт, пока люди впустят этот мир в своё сердце». Они ясно понимали теперь, что история человечества будет так же сложна, как была сложна и страшна до сих пор, а может, и больше. Те, кто по настоящему полюбит Христа, возможно, будут так же малочисленны, как малочисленны эти несколько пастухов, которым они пели, в сравнении со всеми жителями Вифлеема. Их прони-

цательный ангельский ум уже предвидел в будущем столкновение святости, которую принёс с Собой Младенец, с грехом, многоголовым, грозно шипящим, не желающим умирать.

— Им будет очень тяжело, — сказал один из Ангелов другому.

— Подумай, как тяжело будет Владыке жить среди них и носить на Себе их немощь, — ответил другой.

— Им нужна вера, — добавил третий. — Хорошо, если они не забудут слова нашей песни. Давайте споем её ещё раз. Ведь она так хороша!

Они спели её ещё раз, но уже не для людей, а для себя. Ведь это была новая песня, которую ещё никто и никогда не пел не только на земле, но даже на небе.

Они не ошиблись, эти светлые служители Рождества. Наша жизнь не стала лёгкой, но зато у неё появилась цель. Для того чтобы на земле воцарился прочный и неотъемлемый мир, каждому из нас предстоит впустить Христа в своё сердце. И каждый, кто пробовал этого достичь, знает, насколько тяжёл этот труд.

Мы трудимся. Тихий свет из вифлеемской пещеры озаряет нам путь. Когда мы падаем от

греха или усталости, Ангелы спешат с небес к нам на помощь. А мы повторяем их песню каждый раз перед чтением шестопсалмия.

Ясли и крест

Христос родился в яслях и умер на Кресте. И то, и другое сделано из дерева. Если можно сказать, что Христос «умер на Древе», то можно сказать что Он и «родился на древе». То есть не на перине, или шерсти, или шелке, но на деревянном ложе, смягченном соломой, смиренной пищей смиренных животных.

Слово о Кресте приносит болезнь сердцу, поскольку с трудом в него вмещается. Многим людям это слово непонятно и кажется разнообразностью безумия.

Поэтому и сказано: «Слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божия» (1 Кор. 1:18)

Эти же слова можно произнести применительно к убогим яслям Рождества. «Слово о Рождении Мессии в пещере, о положении Его

в яслях для погибающих — безумие, а для нас, спасаемых, сила Божия».

Рождение Бога от Девы — ничуть не меньший вызов человеческому уму, чем невинное и искупительное страдание Сына Божия на Голгофе. Мы вновь можем цитировать слова апостола Павла о Кресте, безболезненно изменяя смысл в сторону Рождественской мистерии. «Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа, рожденного от Девы, закутанного в убогие пелены, лежащего в яслях на соломе, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие» (См. 1 Кор. 22–23).

Ничего за столетия не изменилось в отношении людей к Богу и Евангелию. Одни говорят: «докажи», и другие требуют: «объясни». По сути это одинаковые требования, с той лишь разницей, что эллинское «объясни» проявляет веру в разум и логику, а иудейское «докажи» хочет увидеть чудо на заказ и — собственными глазами.

Чудо требуется эффектное, яркое, броское — такое, чтобы, словно при салюте, запрокинуть голову и с сияющими глазами смотреть на нечто великолепное. Они и просили у Христа «огонь с неба» в виде знамения. Христос отвечал, что роду лукавому и прелюбодейному

дастся только знамение Ионы пророка, то есть смерть и воскресение Сына Божия. Для уверовавших будет потом и огонь с неба в день Пятидесятницы. Будет благодать Святого Духа. Но неверовавших сей огонь не коснется, и они продолжат ждать знамения, которое им даст «зверь, выходящий из земли». Антихрист в Откровении ведь творит «великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю перед людьми» (Отк. 13:13).

Но мы несколько отвлеклись. «Докажи», — говорят эллины, «покажи», — говорят иудеи. Вместо всех этих «докажи», «обоснуй» и «подтверди» христианин настойчиво твердит из века в век о «Боге истинном от Бога истинного», Который «нашего ради спасения сошел с небес и воплотился от Духа Свята и Марии Девы и вочеловечился».

Христианин — не хозяин Рождественского чуда. Оно ему подарено. Для его ума чудо Рождества представляет собой не разобранную и «понятную» игрушку, а предмет удивления и благоговейного созерцания. Для доказательств не хватает слов. Их в принципе не должно хватать, и совершенно понятно, почему Павел называет проповедь Евангелия «юродством». Сила

Павловых выражений только увеличивается, если эвфемизм «юродство» заменить более понятным словом «безумие», «сумасшествие». Такой кажется Истина внешнему взгляду.

По мере продолжения человеческой истории нападения на Христа будут приобретать все более изощренный и сложный для отражения характер. Не зря Юлиана Отступника считают более опасным врагом Церкви и веры, нежели Траяна или Диоклетиана. И следует ожидать новых Цельсов, которые обрушатся на христианство с язвительностью образованных циников. Только их оружием будут уже не одни риторические приемы. Неверующий и не молящийся ум призовет на помощь химию и археологию, психологию и историю.

В этих условиях христиане продолжают защиту своего внутреннего опыта и апостольского преемства с классической простотой. С упорством, напоминающим упорство ветхозаветных евреев мучеников—маккавеев, они будут повторять слова Павла о «спасении верующих юродством проповеди» (1 Кор. 1, 21). На Пасху эти слова будут цитироваться так, как они приведены в Писании, а на Рождество слова о Кресте могут быть заменяемы словами о Яслях.

Христианская вера говорит «что», но не говорит «как». Неверующий же именно требует объяснения «механизма» чуда. Свою веру мы не объясняем и не доказываем, но исповедуем.

Исповедание есть безбоязненное и непоколебимое утверждение подаренного благодатного опыта, без попыток его исчерпывающего рационального объяснения. Верующий человек не боится ответить «не знаю» на вопрос «как?».

Перед лицом жестоко убиваемых один за другим сыновей Соломония говорила им: «Я не знаю, как вы явились во чреве моем; не я дала вам дыхание и жизнь; не мною образовался состав каждого. Итак, Творец мира, Который образовал природу человека... опять даст вам дыхание и жизнь» (2 Мак. 7, 21–24) Это слова, в которых слышно не только мужество, но и мудрость особого рода. Вот почему мы любим и славим страдальцев за Истину. И вот почему вера мучеников сильнее сомнений философов.

Входя в область веры, уму необходимо обнажаться. Обнажение ума — это добровольный отказ от предварительных знаний, поскольку в области веры эти знания скорее помешают, чем помогут.

Моисей, увидевший горящий и не сгорающий терновый куст, сказал: «пойду и посмотрю на сие великое явление, отчего куст не сгорает». Но Господь воззвал к нему: «не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая» (Исх. 3, 3–5). Точно так же, со страхом, должен отказаться от своих пыльных, из-под земли добытых знаний ум, желающий видеть и понимать дела Божии.

В земной реальности ум человека действует, чтобы управлять и командовать, подчинять и поглощать. Приступая к Богу, ум сталкивается с реальностью, которой он никогда не будет управлять и командовать! Эту реальность нужно созерцать, и созерцать смиренно. Если есть что-либо, достойное смиренного созерцания, то это праздник Рождества Христова в первую очередь.

Зерно бросается в землю, чтобы в виде колоса восторжествовать над землей, вознестись вверх. Зерно должно именно скрыться в земле. Лежащее на ней, оно, скорее всего, будет склевано птицей или погибнет иным образом. «Уйти вглубь, чтобы подняться вверх» — вот закон жизни.

В этом смысле дерево яслей было семенем, из которого выросло Древо Креста. Между яс-

лями и крестом есть одно природное тождество. И то, и то — дерево смирения. Дерево, на котором благоволил возлечь родившийся Царь, и дерево, на котором этот же Царь благоволил умереть за согрешивших рабов. Крест, несомненно, вырастает из яслей. Спрятавшись, словно зерно, под землю, малое дерево Рождества со временем выросло и вознеслось над землей в виде Великого Древа Голгофы.

В том, что это так, можно убедиться и из Символа веры. Там, говоря о Рождении Христа по плоти, мы сразу же переходим к словам о Его распятии. Только что было пропето или прочитано слово о вочеловечении, и тут же звучит «распятого же за ны при Понтийстем Пилате». Так наша мысль ежедневно совершает мгновенный переход от яслей к Кресту, и — от Вифлеема к Голгофе.

Храм

Писание — Книга историческая. Она начинается рассказом Моисея о сотворении неба

и земли, а заканчивается словами Иоанна: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали» (Откр. 21: 1). Потерянный рай — это сад. Грядущее Царство — это город, «сходящий от Бога с неба» (Откр. 21: 2). Человек потерял сад, но должен заселиться в город, и вся история человека — это история движения от земли к небу, от ветхого к новому.

Велика разница между утраченным блаженством и грядущим Царством. Первое — это невинность, а второе — святость. Первое — это неопытность и, значит, опасность. А второе — закаленность, испытанность и, как плод, безмятежие. Но есть одна общая черта у утраченного рая и грядущего Царства. Там и там нет храма.

Рай не нуждался в храме, поскольку весь мир был храмом. Все звезды были лампадами, все цветы — кадильницами, а человек должен был посреди безгрешной красоты священствовать, приносить Богу хвалы и песни духовные, собирая вокруг себя все живое. Так было в начале истории. И в конце ее храма не будет. Иоанн говорит: «Храма же я не видел в нем (Иерусалиме Небесном. — прот. А.Т.), ибо Гос-

подъ Бог Вседержитель — храм его и Агнец» (Откр. 21: 22).

Итак, храм Божий, столь привычный и столь необходимый, возник не вместе с человеком и не перенесется с земли на небо, но на земле останется. Но было бы непростительным легкомыслием усомниться в необходимости храма сейчас, в этой продолжающейся земной реальности, на пути к Отчему Дому. Храм не строится для того, чтобы стенами обнять Бога, заключив Его внутри. Это было понятно и при строительстве первого в мире храма Истинному Богу. Соломон тогда сказал: «Небо и небо небес не вмещают Тебя, тем менее сей храм, который я построил имени Твоему». Но «да будут очи Твои отверсты на храм сей день и ночь», — сказал далее Соломон, перечисляя многие народные нужды, в которых требуется особенная помощь (см.: 3 Цар. 8: 27–53). Бог остается неохватным, и храм не вмещает Его, но «имя Божие пребывает и живет в храме», и «очи Господни открыты на это место день и ночь», и, таким образом, для связи Бога и человека устанавливается особое место, именно для этой связи посвященное. Только для нее одной.

Храм был сердцем религиозной жизни. Его разрушение было катастрофой. И после возвращения из плена храм был первым, что нужно было восстановить. Так продолжалось столетиями.

Слова Спасителя, сказанные самарянке у колодца Иакова, о том, что не в Иерусалиме и не в Самарии нужно поклоняться Отцу, но совершать поклонение в духе и истине, можно воспринимать как ниспровержение храмового благочестия. На самом деле это пророчество о том, что слава Иерусалимского храма, этого единственного святилища в древнем мире, должна перейти на всякое место, где будут поклоняться Богу Живому. А там, где это поклонение будет происходить в «духе и истине», там со временем возникнут новые святилища, новые храмы, многочисленные и столь же славные, как древний Иерусалимский.

Апостолы почитали Иерусалимский храм до тех пор, пока жили на земле и пока сам храм стоял. То, что «Всевышний не в рукотворенных храмах живет» (Деян. 7: 48), нужно было в первую очередь говорить язычникам. Ведь мир весь был густо усеян большими и малыми храмами в честь ложных богов. Сам

же Иерусалимский храм продолжал оставаться святыней в глазах и уверовавших, и не уверовавших иудеев. И это несмотря на то, что завеса при страдании Христовом разорвалась сверху донизу, указывая на уходящую благодать. Несмотря на то, что кровь Сына Божия сделала бесполезной прообразовательную кровь животных, проливаемую при жертвоприношениях. Все равно отказаться от храма было невозможно, пока сам Бог руками римлян в очередной раз не разрушил его. А до тех пор «Петр и Иоанн шли вместе в храм в час молитвы девятый» (Деян. 3: 1), и Павел, соблюдая обряды очищения, входил в храм для приношения (см.: Деян. 21: 26).

Храм вскоре был разрушен. Разрушен в тот же день, что и первый храм. Причем у евреев может быть только один храм и только на одном — Богом указанном — месте. И весь закон привязан к храмовым обрядам. Без жертв и богослужений закон в принципе неисполним. Происходит нечто таинственное. А именно: Бог дает одному народу закон и привязывает исполнение этого закона к единственно возможному храму в указанном месте. Затем Господь позволяет разрушить этот храм и увести народ в плен,

чтобы там они научились помнить Бога, каяться и молиться без законных обрядов. Исполнив тяжелую епитимью, народ возвращается, отстраивает храм, строя вместе с ним теперь уже и множество синагог, этих заменителей храма в земле изгнания. Затем и второй храм разрушается. Теперь уже не на 70 лет, а до самых финальных актов человеческой истории.

Народ рассеян, храм разрушен, закон неисполним, другой храм в другом месте строить запрещено. Что это, как не Божие указание на то, что времена закона прошли, наступило время всем народам войти в семью Божию, покаявшись и уверовав в Евангелие. Та слава, которая была в древности только у евреев, переходит независтно теперь ко всем уверовавшим от всего сердца в Бога и Сына Его Иисуса Христа. К иным племенам переходит духовная зрелость, нравственная чистота, пророческое вдохновение, молитвенный подвиг, сокровища духовных книг. Слава древнего единственного храма переходит тоже к тысячам новых святилищ, в которых воспевается распятый и воскресший Мессия.

Прежде бывший сердцем избранного народа единственный храм теперь, после разрушения

последнего, дробится и тысячекратно умножается, становясь сердцем каждого христианского села и каждого христианского города. В этих храмах проповедуется новое учение, согласно которому сам человек должен быть храмом. «Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм — вы» (1 Кор. 3: 16–17). Откуда эта новизна? Откуда этот неожиданный взгляд на человека, который должен стать богоносцем и живым храмом? Ведь небеса, как прежде, бессильны вместить Бога, и храм не претендует на это. Откуда у человека возникла претензия на то, что недоступно космосу и рукотворным святилищам?

Христос дал это новое учение. Во время земной жизни, ведя Себя со властью в Доме Отца, он сказал: «Разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его» (Ин. 2: 19). Иудеи не могли понять Его, и в этих словах им слышалась насмешка или дерзкий вызов. «А Он говорил о храме тела Своего» (Ин. 2: 21).

Истинный храм — это тело Христово, разрушенное страданиями и распятием, восставшее из мертвых в третий день. Христос не просто

обрадовал учеников Своим воскресением. Он дал им есть и пить Свои тело и кровь, говоря: «Ядущий Меня жить будет Мною» (Ин. 6: 57). Вот откуда это новое учение. Христос воскрес, и тело Его есть восстановленный истинный храм. Христос дает верующим причаститься Себя в Евхаристии, и причастники в свою очередь тоже становятся храмами. А те каменные и деревянные, богато украшенные и смиренные храмы, которые во множестве воздвигли христиане, главным образом служат для принесения Евхаристии — для таинства тела и крови.

Наши храмы — это не синагоги, то есть не места собраний, в которых читается закон, поются псалмы и произносятся проповеди. Наши храмы — это, в первую очередь, места для единения с Христом через причастие. И в этом качестве они будут необходимы до второго пришествия, поскольку сама литургия будет совершаться, «доколе Он придет» (1 Кор. 11: 26).

Там, где нет евхаристического понимания природы Церкви, там, где месту собраний усваивается тот же смысл, что и синагоге: петь, читать и проповедовать, — там подбираются цитаты для отказа от храма. Там спешат изобразить дело так, будто Царство уже наступило, смерти

нет, все слезы вытерты, и ворота в наши города сделаны из цельных жемчужин. Но это лживая поспешность, плод намеренной экзальтации. На самом деле странствие продолжается, и цель еще не достигнута. Мы все еще спасены в надежде и «ходим верою, а не видением» (2 Кор. 5: 7).

В тех культурах, где места христианского поклонения строятся так, как концертные залы, «собака зарыта» не в эстетических предпочтениях и не в архитектурном вкусе. Это видимые проявления евхаристического кризиса и отступления от благодати в область религиозных фантазий. И легализация телесного растления, то есть толерантное отношение к разорению храма Божия — тела человеческого (см.: 1 Кор. 3: 17), возникло там, где храмы приняли вид концертных залов.

Напротив, трогательно узнавать, что нашим православным общинам в западных странах часто для богослужений великодушно предлагают опустевшие католические святылища. Это не концертные залы. Это именно древние и новые храмы, построенные ради совершения таинств. В некоторых из них прихожан немного, а в некоторых совсем нет. И вот они с любовью предоставляются для совершения Евхаристии

людям, чьи деды разрушили храмы у себя на родине и кто теперь приехал зарабатывать копейку в «прекрасное далеко». Эти нищие эмигранты, оказывается, тоже могут обогатить кое-чем страны своего временного пребывания. Они могут внести дух древней апостольской веры и евхаристическую воскресную радость под своды опустевших и оттого грустных храмов. Удивительно! Эти храмы потеряли прихожан не от гонений, но от теплохладности и от ядовитого духа мирских соблазнов. Кто мог подумать, что из страны недавнего воинствующего атеизма сюда приедут люди, чтобы по воскресеньям зажигать лампадки?

Странствие продолжается. Народ по-прежнему питается манной. И именно ради пропитания, ради небесного хлеба, нам нужны храмы, реставрированные старые и новопостроенные. В них, благодаря причащению, покаянию и молитве, люди должны сами превращаться в живые храмы, по словам Павла. Или, как вторит ему Петр, в живые камни, «священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом» (1 Пет. 2: 5).

Один за всех и все за одного

Говорят: «Мир катится в пропасть». Хочется подправить этот тезис. В пропасть катимся мы. Стоит нам остановить движение в опасном направлении, как мир тоже перестанет катиться, ибо он не самодвижен. Он от человека зависит, а значит, по слову Сковороды, «мертвец сей — ни в чем не виновен».

Прадед грешил, и груз грехов своих деду передал. Дед сей груз увеличил и на плечи сына взвалил. Сын продолжил процесс распада, и не ясно — выживет ли родившийся от него человек, то есть его сын и внук его отца. Но если кто-то из них попробует остановить распад, то хорошо будет всем — и до него жившим, и после него жить имеющим. И в сторону неизвестного будущего, и в сторону туманного прошлого разойдутся исцеляющие лучи. Поэтому говорят: «В аду грешники улыбаются, когда на земле кто-то из их родственников в монахи уходит».

Весь вопрос в том, чтобы остановиться. Нельзя спихивать проблемы на поколения, жившие раньше нас. Христос принял в родство и блудниц и язычников (читай первое зачало

Евангелия от Матфея), чтобы никто не сказал: «А у меня в роду — одни воры и алкоголики. Я на эти грехи генами запрограммирован». Никто ни на что до конца не запрограммирован, хотя прошлое и довлеет над нами. Но тем больше награда, чем тяжелее был груз. Если отец в себе не исправил одну из душевных язв, то он на сына задачу переложил, причем задачу, собою же умноженную и усиленную. Страшно говорить об этом, но, судя по всему, никуда от этой правды не скроешься. Поэтому и «всяк за всех виноват».

Враг действует по-хулигански. Нападает из-за угла, внезапно, вдесятером на одного. Отмашешься — хорошо. Не отмашешься — они тебя свалят и дальше пойдут. Рядом только одного из своих стоять оставят, чтобы тот тебе, поверженному, не позволял подняться. Так армия победителей способна охранять или конвоировать тысячи побежденных солдат силами малого конвоя или охраны. В мире видимом и в мире невидимом многие законы войны совпадают. Тот, кто дерется и не сдается, падает и поднимается, тот оттягивает на себя внимание многих врагов. Им больше ничем иным заняться не досуг. Как бы ни были они хитры и сильны,

однако они — твари, а не Творец, а значит в числе и силах ограничены. К тому же гордые они и проигрывать до смерти не любят. Сначала умножают силы против одного непокорного, потом готовы всем адом на него восстать, лишь бы свалить и победить. А в это время, пока совершаются в духе незримые битвы, ничего не подозревающее человечество может и спать и просыпаться спокойно. Не до них врагу. Силы противника в борьбе с немногими праведниками, хоть и не до конца, но связаны.

Такова практическая польза от святых. Кто-то где-то в пещере сидит и кроме пения псалтири дел не имеет. Но взводы, и роты, и полки невидимые с ним борьбу ведут, а, значит, тысячам людей подарена передышка и обычный земной покой. Так и написано в службе преподобным: «Демонские погубил еси полки». Значит, если есть святой Антоний — паши земледелец; плыви мореход, пой колыбельные женщина. Можно лежать на диване с книгой. Можно рисовать тушью. А нет святого Антония — мучьтесь, люди, от неуправляемых бед, ругайтесь, спивайтесь, завидуйте, суетитесь, с ума сходите, пропадайте в грехах, налетевших, как буря!

Это — закон. Святые держат на плечах мир и дают множеству остального люда возможность радоваться и наслаждаться безгрешными удовольствиями.

Но дело не только в отдельных титанах духа и церковных богатырях. Дело в Церкви как таковой. Сами богатыри нуждаются в том, чтобы служилась Литургия, проповедовалось Слово Истины, и совершались прочие Таинства. Без этого невидимого дыхания Духа никакой духовный силач на борьбу не способен. И в своих затворах и пещерах, на своих рукотворных столпах и природных скалах, они, случись повстречать им человека из мира, тревожно спрашивали: «Как там? Открыты ли храмы? Не идут ли войной язычники?»

Церковь привычно сравнивают с кораблем. Вокруг — волны, у руля — Христос, впереди — пристань Божьего Царства. Но Церковь это еще и Дерево. Она вдыхает углекислый газ людских немощей и беззаконий, а выдыхает чистый кислород Богопознания и радости о Господе. Ты приносишь Ей грехи, а уносишь от Нее Дух. Ты приползаешь израненным, а уходишь на здоровых ногах. Ты бредешь в ее сторону, не зная — зачем жить,

а уходишь со светлой головой и творческими мыслями.

Сколько ее спасены! Сколько обнадежены! Сколько в ней достигли святости! Церковь держит все! Но будет время, когда Церковь свернет всякую внешнюю деятельность и даже постарается скрыться от чужих глаз. Это будет в оные времена, о которых так много говорят и пишут, во времена последние. Тогда лжецеркви расплодятся, попытаюсь скопировать внешние черты Христовой Невесты. Люди пойдут на эту видимость, но останутся пустыми, измученными и голодными.

Кто возжаждет Бога, тот найдет Бога. Но кто доволен одной лишь внешней поверхностью и обманчивой внешностью, тот развернется и уйдет совсем — и от подлинной Церкви, и от ее кажущейся видимости.

Церковь тогда почувствует, что Она сама устала и изнемогла. Почувствует, что у нее нет сил спасать и отмаливать всех, что Истина не востребована, а от Нее самой хотят того, что Ей не свойственно. Тогда Она уйдет в «пустые места», предсказанные Апокалипсисом. И это будет не локальный, а всемирный уход. Это будет то бегство, которое совершали настоящие

монахи, уходя в пустыню. Бегство ради выживания. Это будет также похоже на то, что сказали мудрые девы из притчи девам не мудрым в ответ на просьбу дать им масла для лампад. «Чтобы не стало так, что и нам, и вам не хватит, идите и купите себе».

Страшные эти слова. Они означают: «Нечем нам с вами делиться. Мы с трудом бережем свой огонь не потухшим. Заботьтесь о себе сами».

Нужно ли напоминать, что те пять дев, которым не дали масла, слышали из-за закрытых дверей: «Не знаю вас»? Вот тогда-то и будет, возможно, скорбь, которой не было от начала мира и больше не будет. Даже на Голгофе густота торжествующего зла и накал греховного кошмара не были такими, какой будет последняя скорбь. И если из-под Креста не ушли только Богоматерь, Иоанн и Мария Магдалина, то кто же выдержит ту, будущую скорбь?

Люди, далекие от молитвенной жизни, тоже почувствуют перемену в воздухе. Дышать станет трудно, и жить станет незачем. Это сегодня кому-то весело грешить и более-менее легко вставать после греховного падения. Ведь Бескровная Жертва приносится открыто, и молитвы возносятся массово. Молитвы «о всех и

за вся»! Когда же Церковь оставит мир, ничто не обрадует грешника. Не обрадует застолье и выпивка, не обрадуют танцы и музыка. И новости станут неинтересны, и еда не вкусна, и покупки не вожделенны. Отдых станет тяжел и поездки бессмысленны. Ближний станет противен, но одиночество — невыносимо. Толком никто не поймет, что же, собственно, происходит. И если сказать, что именно происходит, никто не поверит.

Но грешник тоже живет Церковью, дышит Церковью, питается Церковью, пусть тайно, неосознанно, пусть даже в виде паразита. Он не чувствует этого и «спасибо» за это не говорит. Но вот уйдет Церковь, чтобы не тратить даром силы перед последним искушением, и все прочувствуют это. Все будут страдать. Нужно благословить сегодняшнее время. Не хулить его и не ругать чрезмерно. Оно лучше, чем могло бы быть, и, несомненно, лучше, чем неизбежно будет.

Мы живем в долг и за чужой счет. Это касается не только родителей и добрых учителей. Это также касается Церкви, которая самым фактом Своего существования оказывает миру немислимое благо. Она рядом, и поэтому (не

смейтесь) хлеб вкусен, а вода свежа; солнце греет, а не сжигает, и ночь дарит отдых, а не мучит кошмарами. Пока все так, нужно всем над собою трудиться! Всем! Труды эти оставляют процесс падения в пропасть, который кажется холодным и объективным, а на самом деле во многом зависит от нас.

И каждый человек, решившийся расправиться со своими застарелыми духовными недугами, совершает для всего мира великое благодеяние. Он облегчает жизнь и изгоняет грех. Не только из своей маленькой жизни, но из жизни вообще.

По сути это — единственный способ сделать мир чуть-чуть лучше: стать самому чуть-чуть лучше, основываясь на евангельских критериях. Если у кого-то этот труд не бесплоден, то благодарность за это пусть будет принесена таким человеком не кому-нибудь, а Церкви. Да-да, Церкви, с ее тайными и явными молитвами, с ее ходатайствами и подвигами лучших сынов, с той благодатью, которая в ней живет и через нее действует.

Напоминание

Человек мал, но у него есть свое большое прошлое. В это прошлое хочется временами входить, как в лавку древностей. Хочется возвратиться хоть раз в город детства, где все деревья были большими. Хочется войти в дом, в котором родился, в школу, за одной из парт которой сидел. У каждого есть свое маленькое, может и не священное, но дорогое «предание», вспоминая о котором человек смягчается сердцем и ощущает разом и стремительность времени, и совершившиеся перемены, и таинственность бытия. Это – устойчивое свойство человеческой души, и в Евангелии оно тоже отображено.

Ангел говорит женам у пустого Иисусового гроба, что Он «предваряет», их в Галилее, «там Его увидите» (Мк. 16:7) Почему Христос, изволивший и пострадать, и воскреснуть в Иерусалиме, «предваряет» апостолов в Галилее? Митр. Антоний Блюм высказывает предположение, что там, в Галилее, где Господь провел большую часть времени с учениками, все должно было напоминать им о Нем. Там апостолы нашли свою «первую любовь» (Откр.2:4), ко-

торуую нельзя оставлять. Там эта любовь должна была разгореться с новой силой.

Слово Божие неисчерпаемо, и у этого евангельского сюжета могут быть и другие толкования. Но есть еще в Новом Завете сюжеты, всматривание в которые говорит нам о той пользе, которая проистекает из наложения одного события на прежде бывшее. Это рассказ о призвании на апостольство Петра, в его связи с рассказом о возвращении Петру апостольского достоинства после отречения.

Не один и тот же евангелист, но два разных — Лука и Иоанн, рассказывают об этих событиях. Лука в пятой главе Евангелия рассказывает о бесплодной ловле рыбы Симоном в течение всей ночи. Из его лодки Господь учил народы, отплыв несколько на глубину. Когда же закончил, повелел Симону отплыть еще дальше и закинуть сеть. Симон, вопреки бессонной ночи, не принесшей улова, проявляет послушание и забрасывает сеть. «Сделав это, они поймали великое множество рыбы» (Лук. 5:6) Будущий апостол ведет себя не как ищущий чудес, но как человек, чудес недостойный. Он падает в ноги Христу и просит Того выйти, ибо он, Симон, «человек грешный».

Петр увидел тогда то, что дела, невозможные без Иисуса, становятся с Иисусом возможными. И Петру вскоре предстоит делать невозможное — ловить народы в сети евангельской проповеди. Он должен хорошо понять и твердо запомнить, что это невыполнимо без помощи Самого Христа. Если же Христос рядом, тогда все по плечу. И вот, рыба поймана, но поскольку дело не в ней, и новые горизонты начали открываться, «вытащив лодки на берег, они оставили все и последовали за Ним» (Лк. 5:11).

Все в этом рассказе достойно внимания: и послушание Петра вопреки очевидности, и стремительно наполнившиеся сети, и смирение апостола, исповедующего себя грешником перед лицом явного чуда. И вот прошли несколько кратких и насыщенных событиями лет Господней проповеди и служения. Много раз видел Петр кроткое и не показное всесилие Сына Божия. Видел воскресавших мертвецов; видел рыбу, имеющую во рту деньги, достаточные для уплаты храмового налога. Видел он и тысячи людей, насытившихся малым количеством пищи. Слышал на горе голос Отца во время Преображения. И сам он, бывший рыбак, удо-

стоился по дару свыше исповедать Иисуса «Христом и Сыном Бога Живого».

Но все же отрекся Петр. Наступили дни невыносимой скорби и «камень» дал трещину. Смелый и решительный, заранее готовый идти за Христом и в темницу, и на смерть, обнаживший меч в Гефсимании, Петр трижды отрекся от Учителя и Господа во дворе архиерея. То, что затем творилось в его душе, не поддается описанию.

Когда он, нося в душе позор и горечь отречения, возвращается к рыбной ловле, то какой невыносимой скорбью должны были звучать его слова: «иду ловить рыбу» (Ин. 21:3)

Неужели опять к сетям и лодкам, к ночному труду ради прокормления семьи ты возвращаешься, Кифа? «Да», – думал Петр, – «только я уже не Кифа. Я снова Симон сын Ионы. Яловец всего лишь рыбы, а не человеков, как говорил Господь».

И тот грустный лов тоже был грустным. Грустным и бесплодным. «Не поймали в ту ночь ничего» Возможно и место ловли было недалеко от места призвания на апостольство. И вот Господь призывает Петра обратно к Себе

и к апостольству. Призывает тем же способом, каким уже однажды к Себе приблизил.

«Когда настало утро, Иисус стоял на берегу» (Ин. 21:4) Он спросил учеников, поймали ли они что-то. И когда услышал, что нет, повелел закинуть сети с правой стороны лодки. И вновь рыба со всех сторон озера поспешила в сети, чтобы послужить Иисусу послушанием. И опять сети за краткое время стали тяжелы. Тогда Иоанн сказал ошеломленному Петру «это Господь», и нагой Петр бросился в воду и поплыл к Тому, от Кого отрекся, но Кто не отрекся от Петра.

Быть может, если бы бывший сборщик налогов — Матфей, согрешил так, как Петр, ему пришлось бы вернуться к службе мытаря. Тогда Христос опять бы нашел Матфея возле стола для сбора пожертвований, и Матфей умилился бы от любви Христовой и от воскресшего чувства первой встречи. Но Петр был рыбак, и Господь вновь находит его на озере, чтобы смирить троекратным вопросом «любишь ли Меня?».

Посредством того же чуда, которым Петр был призван на апостольство, Христос еще раз призывает Петра и возвращает ему достоинство,

утраченное отречением. Теперь, дважды повторенное, это чудо, а вместе с ним и верность Учителю, должны начертаться на сердце Петра неизгладимо.

Так бывает не только у апостолов. События нашей внутренней «священной истории» могут повторяться. Если они всякий раз будут новыми и на что не похожими, мы, как невнимательные, будем легко их забывать. Но, повторившись по Промыслу дважды и наложившись одно на другое, они в трудное время начинают особо ярко сиять и звать нас к покаянию. Вторичный призыв, схожий с первым призывом, воскрешает в нашем сердце «первую любовь», которую нельзя оставлять. Память способна вернуть человека в детство, и в детство по возрасту, и в детство по вере. А таковых, как дети есть Царство Небесное.

Чудотворство

Бог может совершить великие дела через любого человека, используя его как орудие. Как в руках у подлинного мастера поет любой

материал, из топора варится суп, а из обрезков шьется обновка, так и Господь может творить нечто важное и чудное через всех и через всякого. Может, но не спешит творить.

Об этом невольно думаешь, произнося отпусты. Ежедневно поминаются святые, к именам которых, как гвардейское достоинство к воинскому званию, добавлено слово «чудотворец». Такой-то «всея Руси чудотворец», такой-то «победоносец и чудотворец». Через людей, так поименованных, как сквозь чисто вымытое стекло, лился при жизни и продолжает литься ныне Божий свет. Бог, как источник силы, мира и чудес, проводит обильно через этих людей Свои дары и через них реализует Свои планы. И возникает мысль: почему одни так обильно проводят Божественную силу, словно вода — электричество, а другие нет, словно они по отношению к тому же электричеству резина и дерево?

Никто не свят сам по себе. В человеке святость возможна, но не обязательна. Она не изнутри, не от природы, а извне, от принятого освящения. Так учит нас думать Божественная литургия, а она учит вообще всему, и учит правильно. Когда священник преломляет свя-

той хлеб, он говорит: «Святая святым», — имея в виду, что святые дары будут преподаваться святым людям. Но люди смиренно приглашают и исповедуют, что «един свят, един Господь Иисус Христос во славу Бога Отца». Так исповедуем мы, что Христос есть единый Безгрешный и Податель всякой святости. Человек же если свят, то свят по причастности к Источнику.

Есть особый грех, который стоит, как стражник, на той границе, где волны благодати подкатывают к берегу жизни, и не позволяет благодати войти в жизнь и изменить ее. Этот грех — тщеславие. Именно по причине этого греха наши добрые дела остаются в рамках слабых и скудных человеческих усилий и не становятся тем совокупным («синергичным» — скажут богословы) делом Бога и человека, тем, чем является подлинное чудо и подлинная благодатная жизнь.

Тщеславный человек — это вор. Он вор Божественной славы. Случись ему совершить с Божией помощью и Божиим именем нечто великое, он скажет: «Это я сделал». Он непременно скажет или подумает это, а значит, станет похожим на сатану, влюбившегося однажды в

подаренную ему славу и красоту. Так и тщеславный человек, говоря и думая: «Это я», вместо ожидаемого приближения к Богу отдаляется от Него и приблизится к гибели. Значит, Господь для нашего же блага не творит через нас великих дел Своих, поскольку мы загордились бы и погибли.

Господь зовет нас к совершенству. Он говорит: «Святы будьте, как и Я свят есмь».

Исполнение этой всецелой заповеди невозможно одними только человеческими потугами, всегда жалкими и ограниченными. Нужна содействующая благодать. Но по любви к нам Бог не спешит давать нам эту сопутствующую и всесильную благодать, чтобы не стал диаволом человек. Бог позволяет насытиться нам нашей немощью, и разувериться в себе, и познать, что без Него мы — ничто, и тогда уже искать и просить благодати, а получив, не гордиться.

Святые люди — это именно те, кто не говорил и не думал: «Это я сделал. Моя рука, мои таланты, мои усилия сотворили нечто». И Бог не боялся с избытком наделять таких людей силой и мудростью. Не боялся, имею в виду — за них. Не боялся, что они возгордятся и омра-

чатся. Так именно зрячее смирение делает людей проводниками Божественной силы и в наших глазах — чудотворцами.

Моисей беседовал с Богом, разделял море, творил знамения, был погружен в чудеса. И при этом о нем сказано: «Моисей же был человек кротчайший из всех людей на земле» (Чис. 12: 3). Именно так и не иначе. Заносчивый и склонный к самохвальству человек на месте Моисея не смог бы стать орудием таких преславных Божиих дел. Такой человек непременно и, быть может, на каждом шагу подмешивал бы нечто свое в Божию волю и извращал Промысл.

Человеку хочется сказать «Я», и это короткое слово звучит как выстрел, нацеленный в сердце возможного чуда. «Я сделал, я достиг, я сумел», — говорит похититель Божественной славы, и поскольку Бог ревнует об истине, Он умеет смирать разгордившихся. Так, Навуходоносор, разгуливая по царским чертогам, сказал: «Это ли не величественный Вавилон, который построил я в дом царствия силою моего могущества и в славу моего величия!» (Дан. 4: 26).

«Я построил», «мое могущество», «мое величие»... В одном предложении царь с лихвой позволил проявиться любви к себе и восхище-

нию своими избыточными дарованиями. Но... «Еще речь сия была в устах царя, как был с неба голос: “Тебе говорят, царь Навуходоносор: царство твое отошло от тебя! И отлучат тебя от людей, и будет обитание твое с полевыми зверями; травую будут кормить тебя, как вола, и семь времен пройдут над тобою, доколе познаешь, что Всевышний владычествует над царством человеческим и дает его, кому хочет!” Тотчас и исполнилось это слово над Навуходоносором» (Дан. 4: 28–29).

Святой человек добровольно подобен скальпелю в руке Хирурга или лопате в руке Садовника. Он сознательно отдает себя на служение и разумно покоряется воле Божией, поскольку принудить и через силу использовать Бог может любого, но нет в этом тогда человеку похвалы. Святой же человек — это тот, кто согласен быть инструментом и не согласен приписывать славу себе. «Величается ли секира перед тем, кто рубит ею? Пила гордится ли перед тем, кто двигает ее? Как будто жезл восстает против того, кто поднимает его?» (Ис. 10: 15).

И это есть подлинное смирение перед Богом, подлинная духовная нищета, оказывающаяся

непременным условием святости и активного участия в Божиих делах. Так, уже престарелому монаху Ионе велела Божия Матерь строить в Киеве новый монастырь, а тот боялся и отказывался, ссылаясь на возраст и немощи. Матерь Господа неба и земли сказала ему тогда, что Она все сделает Сама, а Иона будет в Ее руках лишь лопатой и граблями, что вскоре и начало свершаться.

Мир был бы совсем другим, если бы во всех была вера. И тем более мир был бы другим и жизнь была бы другой, если бы вера была зрячая и смиренная. Зрячая и смиренная вера — это то, о чем сказано: «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей» (Пс. 113: 9).

Как уже было сказано, тщеславный человек — вор, похититель Божественной славы. Может, далеко не каждый из нас лазил к ближнему в карман или таскал яблоки из соседского сада. Но совершенно точно то, что каждый из нас приписывал себе успехи и удачи и забывал при этом воздать славу Богу.

Горько и стыдно. Худо и горько. Впору вспомнить Иеремию, сказавшего: «Итак, познай и размысли, как худо и горько то, что ты

оставил Господа Бога твоего и страха Моего нет в тебе» (Иер. 2: 19).

Кроме того, будь мы смиренны, Господь через нас совершил бы множество чудных и славных дел, больших и маленьких. А Он не творит эти дела не потому, что не может, а потому, что жалеет нас и не хочет нам зла. Ведь мы в случае чудес и умножившейся милости возгордимся, а это будет нам на вред. Вот и держит нас добрый Бог на голодном пайке, мы же, слепые, спрашиваем: «Где суть милости Твои древние, Господи? Отчего сейчас все так, а раньше было иначе?»

Так голодает мир, а у Бога полны едой кладовые. Но чтобы растворились двери кладовых, нужно, чтобы кладовщик был богобоязнен, чтобы он не стал кричать: «Идите сюда! Это я, я накормлю вас! Я — ваш кормилец и благодетель!»

Смиренного кладовщика найти нелегко. И получается, что тщеславный человек не только вор Божественной славы, но еще и персонаж, который не позволяет Божественной благодати излиться в мир, чтобы исцелять, согревать и освящать человеческую природу.

Прорыв в Вечность

Один из философов новейших времен спросил: стоит ли жизнь того, чтобы ее прожить? Такой вопрос не задает себе ни кенгуру, ни бабочка. Никто из живущих только инстинктами не пытается осмыслить свое бытие. В человеке есть что-то выводящее его из круга обычных вещей и существ. Что-то властно требует от человека осмыслить свою жизнь.

Большинство людей слабы. Только поэтому они живут, не зная смысла жизни. Многие философы древности, дойдя до понимания, что жизнь их не укореняется в вечности, уходили из жизни самовольно. К счастью, они всегда были в меньшинстве. Большинство людей могут родиться и дожить до седин, инстинктивно убегая от острых и вечных вопросов. Вся драма христианской жизни заключается в том, чтобы пробудиться от спячки, но пробудиться не для тупика и самоубийства, а для прорыва в вечную жизнь. Вопрос очень серьезен.

Иоанн Кронштадтский сравнивал человека с цыпленком. Цыпленок рождается дважды. Вначале курица рождает яйцо. Курица страдает родовыми болями, но рожденное — еще не

цыпленок. Теперь его нужно высидеть и прогреть. Только после долговременного прогревания и сохранения из-под мертвой скорлупы проклевывается пушистая и мокрая, желтая и смешная жизнь.

Человек тоже должен родиться дважды. Вначале как лягушонок, как Маугли, как человеческий детеныш. Потом — как личность, как человек разумный, как сын Божий по благодати. Не родившийся дважды так и останется яйцом. И его удел — быть съеденным всмятку или вкрутую; быть съеденным в сыром виде человеком или животным. Детали неважны. Таких людей очень много. В свете сказанного особую красоту можно заметить в обряде освящения крашенок и во всем, что связано с пасхальным яйцом. В нем, как мы помним, — смерть для Кашея. Оно, как мы знаем, было подарено Тиберию Магдалиной. Все это, оказывается, потому, что мы на яйцо похожи.

Пробуждение для жизни сознательной и разумной можно сравнить с воскресением из мертвых. Воскресший Христос проявляет свое неотступное пребывание в нашем мире тем, что многие и многие, услышав Его Имя, прочитав Его слово, вкусив Его Тайн, сбрасывают

погребальные пелены и, как бабочка из кокона, выпархивают ввысь, чтобы летать и жить новой жизнью.

Именно в этом — смысл празднования Воскресения Христова. Если мы не воскресаем от жизни мертвой и смердящей, если мы не поднимаемся и не начинаем ходить после долголетнего лежания во гробе (нерадения, уныния, ненависти), то вера наша тщетна (1 Кор. 15, 14).

Воскресение Христово одновременно и оправдывает человеческую жизнь, и дает ей смысл. Воскресение стоит посредине — между учением о загробном небытии и учением о перевоплощении. И то, и другое нападает на нас с обеих сторон. Одни сравнивают человека с растением, и коль скоро оно скошено смертью, спешат отдать его истребительному огню, как будто его никогда не было. Другие, чувствуя вечность в своей груди, но не веря в Христа, баснословят о прошлых и будущих жизнях в теле рыб, комаров, бизонов... Милосердный Христос спасает нас от одного и не дает впасть в другое. Своим уникальным, единственным Воплощением, Своей единственной искупительной Смертью и Воскресением Он открывает

нам разум к пониманию того, что мы и вечны, и уникальны.

Христос воспринял в Свою ипостась всю человеческую природу. Это значит, что воскреснут все, и желающие этого, и не желающие; и знающие об этом, и никогда об этом не думавшие. Христос прожил на земле одну жизнь. Он больше не будет воплощаться, не будет распинаться, не будет больше воскресать. Это значит, что и мы проживаем одну жизнь, пишем ее на чистовик, а черновиков у нас нет.

Воплотившись и пострадав, Христос приобрел право судить людей. Как Бог, Он имел на это власть, но люди считали, что Он не имеет на это права. Люди думали, что Бог высоко и далеко, что Он свят и чист; а мы внизу, в грязи, в грехах, и между нами и Им нет ничего общего. «Тебе ли судить нас, копошащихся в грехах, подобно червям?» — могли сказать и говорили люди Великому на Небесах живущему Богу.

Поскольку Бог благ, этот аргумент — убийственен. Но чтобы вырвать его, как жало, из лукавых и празднословных человеческих уст, Бог лично, в Сыне Своем, соединился с человеческой природой, сошел к нам и стал одним

из нас. Перед тем как воскреснуть, Он был Младенцем, питался грудью, плакал от голода. Он нуждался в тепле и защите. А потом рос и трудился, уставал и замерзал, голодал и ходил пешком. Его ругали земляки и хулили книжники, Его предал один ученик и от Него отказался другой. То, что можно пережить на земле, Он пережил и почувствовал нашей кожей. Он имеет право нас судить не потому, что Он — Бог, но потому, что Он — и Человек.

Ныне на подвиг души Своей Он будет смотреть с удовольствием (Ис. 53, 11). Там, где двое или трое собраны во имя Его, Он обещал пребывать таинственно среди них, и пребывает. В Его имя мы ныне празднуем, и Он, как Вождь и как Начальник нашего спасения (Евр. 2, 10), ведет нас в землю покоя. Здесь оправдание, и осмысление, и освящение нашего временного бытия.

Вся Церковь есть продолжающийся в истории, длящийся и, как луч, пронизывающий толщу веков факт истинного Воскресения Иисуса Христа из мертвых. Из этого Источника проистекает мужество мучеников, мудрость святителей, терпение преподобных, милосердие бесребреников... Всякий подвиг и всякая свя-

тыня из этого Источника питается. И даже если мы не преподобные, не мученики и не святители, мы все равно живем и дышим этим единственно новым фактом из жизни человечества. Пусть даже этого и не осознаем. Хотя хорошо бы осознавать. Ведь ум и сердце нужны зачем-то.

Лестница

Прежде чем Иоанн, игумен Синайского монастыря, написал свою бессмертную книгу и назвал ее Лествицей, образ лестницы уже присутствовал в Писании, а значит, в сознании христиан. Это известное ночное видение Иакова, бывшее ему по дороге в Харран. Лестницу, стоявшую на земле и касающуюся неба, видел тогда патриарх, и Ангелов Божиих, восходящих и нисходящих по ней. На лестнице утверждался Господь и говорил с Иаковом, давая ему великие обетования (Быт. 28:10–22). Отсюда, от описанных событий ведет свое родословие воспевание Богородицы, как Небесной Лествицы,

«Юже Иаков виде» и «Ею же к нам сниде Бог». О лестнице должен быть и всецерковный разговор в четвертую неделю Великого поста, поскольку неделя носит имя автора одноименной книги — «Лествица».

Книга эта такова, что весь год, выбирая из нее необходимые и насущные речения, пастырь, смотря по ситуации на приходе или в обители, может постоянно врачевать умы и души своих пасомых. Говорить же о «Лестнице» только один раз в год означает обрекать себя на разговор поверхностный, а значит более или менее бесполезный. Поэтому оставляя практическое освоение книги на тех, кому вверены души, поговорим о следующем.

Лестница (неважно какая — мраморная, деревянная или веревочная) есть явление культурного порядка, она придумана и сделана человеком, подобно земледельческому плугу или охотничьему луку. И человек всегда окружен делами рук своих, он всегда живет в двух мирах — в мире Божиим и в мире рукотворном. Сей последний называют еще «второй природой» или цивилизацией. Так, в Евангелии упоминаются, сотворенные Богом, зерно и рыба, но есть также монета и лодка, относящиеся к

рукотворной реальности и «второй природе». К ним же относится и лестница. Она ведет как снизу вверх, так и сверху вниз (Ангелы и восходили, и нисходили по ней). Но подниматься вверх можно только постепенно, тогда как лететь вниз можно и быстро, и вверх тормашками. Мальчишки, едzące вниз по перилам, знакомы с удовольствием от быстрого спуска, а вот сташенный бесовскими крючьями монах на иконе «Лествицы Иоанновой» знает, что путь вниз радости в себе не содержит.

Лестница, при кажущейся простоте, есть изобретение умное и говорящее о многом. Кроме постепенства, требуемого ею, лестница позволяет шаг за шагом взбираться на такую высоту, на какую никогда не запрыгнет и не залезет обычный человек. Даже старик, страдая одышкой и подолгу отдыхая на пролетах между этажами, со временем взбирается на значительную высоту, и это есть несомненный образ духовных трудов. Мы все всходили бы высоко, если бы потихоньку и постоянно двигались в правильном направлении.

Не правда ли удивительно, что учиться многому можно у таких простых и повседневных вещей? Оказывается, что нося в себе не-

истребимый образ Создателя, человек и сам способен создавать вещи многозначительные.

Об этом прекрасно говорит Честертон, рассуждая о таком христианском символе, как «ключ» в книге «Вечный человек». С удовольствием приведу цитату, поскольку это пример глубокого мышления при созерцании вещей обыденных.

Вера подобна ключу в трех отношениях. Во-первых, у ключа определенная форма, без формы он уже не ключ. Если она неверна, дверь не откроется. Христианство, прежде всего, философия четких очертаний, оно враждебно всякой расплывчатости. Это и отличает его от бесформенной бесконечности, манихейской или буддийской, образующей темную заводь в темных глубинах Азии.

Во-вторых, форма ключа очень причудлива. Дикарь, не видевший ключей, никогда не угадает, что это. Причудлива она потому, что, в определенном смысле, она произвольна. О ключе спорить нечего, он или входит в скважину или нет. Вряд ли стоит подгонять ключ под правила геометрии или каноны эстетики. Бессмысленно требовать и ключ попроще, тогда уж лучше взломать дверь.

И в-третьих, форма ключа не только точна, но и сложна. Многие жалуются, что религию так рано засорили теологические сложности, забывая, что мир зашел не в тупик, а в целый лабиринт тупиков. Сама проблема была сложна, куда сложнее, чем «борьба с грехами». Накопилось множество тайн, неосознанных болезней души, опасностей, извращений. Если бы наша вера принесла толпе плоские истины о мире и о прощении, к каким пытаются свести ее многие моралисты, она бы нисколько не воздействовала на сложный и пышный приют для умалишенных.

Во многом ключ был сложен, в одном — прост. Он открывал дверь».

Продолжая в этом духе размышлять о лестнице, мы видим, что:

- 1) у нее есть цель;
- 2) движение вверх требует постепенности и связано с усилием;
- 3) чем выше поднимаешься, тем больше риск упасть.

Подобные принципы характерны вовсе не для одной лишь книги святого Иоанна. Уже Десятословие, полученное Моисеем на горе, содержит в себе идею восхождения.

Запрещая грех на уровне телесных проявлений (не убей, не укради, не прелюбодействуй), заповеди на скрижалях в конце подходят к слову «не пожелай», то есть проникают во внутренний мир человека и судят уже не дела, но намерения.

Точно так же и учение Христа о блаженстве начинается со слов о нищете духа, а постепенно доходит до поношений и гонений за правду, причем в конце, несмотря ни на что, призывает Своих последователей «радоваться и веселиться» о Небесной награде. На лицо тернистое восхождение от меньшего к большему, и, по сути, та же Лествица, постепенно приводящая человека к подлинному блаженству.

Жизнь — не броуновское движение. В идеале это осмысленное движение к Богу, причем движение снизу вверх. Оценить свое нахождение человеку самому бывает трудно, а то и невозможно. Для этого ему и даны такие карты маршрута, как книга святого Иоанна. Повторю, что она требует чтения по чуть-чуть в течение всего года (особенно для монашествующих).

Единственное, что можно сказать с большей степенью уверенности, это то, что человек реально восходящий вверх, имеет своим спутни-

ком все увеличивающийся страх падения. А человек, живущий беспечно, не боящийся духовных пропастей, с трудом понимающий вообще, о чем идет речь, когда говорят: «И высоты будут им страшны, и на дороге ужасы» (Еккл. 12:5), скорее всего, топчется у основания горы или даже спит, в то время как драгоценное время жизни проходит, не останавливаясь.

Сумерки сознания

Человек, поверивший в Бога, однажды неизбежно становится перед выбором: идти узким путём настоящей веры, ведущим в жизнь, — или пространным, лёгким, накатанным путём суеверия.

Совсем не верить нельзя. Это против природы, поскольку человек очень мало видит, но очень много чувствует. И чувства, интуиции вторгаются туда, где обычный глаз слеп.

Оттого вера необходима. Она раздвигает границы жизни, пытается осмыслить прошлое и предощутить будущее. Вера — такой же внут-

ренный определяющий антропологический признак, как прямохождение — признак видимый. Но вера истинная тяжела, как жизнь Авраама. Поэтому человеку свойственно бежать от ослепительного света веры подлинной, веры крестной — в тёплый сумрак магизма и суеверий.

Магизм и суеверие работают с «хорошим материалом». Например — с чувством взаимосвязи всего сущего. Ты здесь зажёг ароматическую палочку и пошептал нечто, а там он с ней расстался или, наоборот, они друг друга встретили. Это же поразительное бытовое подтверждение веры в сущностное единство мира и взаимозависимость всех нравственных процессов.

Или вам предсказывают будущее человека по его фотографии. Это же связь образа с первообразом. Карикатурное применение догмата Седьмого Вселенского собора, ни больше, ни меньше. Или для магических ритуалов требуют прядь волос, каплю слюны или крови. Это тоже попытка влиять через часть на целое и, соответственно, вера в то, что часть и целое связаны и взаимозависимы.

Всё это — прекрасная тема и обширное поле для самых разных исследований, популяр-

ных брошюр или даже диссертаций. Любителей подобного рода деятельности хватает. Мы же лишь приводим примеры для подтверждения уже сказанных слов: магизм и суеверие работают с «хорошим материалом», то есть с врождённой религиозностью и зачастую верными мистическими интуициями.

Магизм нельзя осуждать только на том основании, что он «не работает», что он весь — область действия шарлатанов. Это и так, и не так. Шарлатану действительно легко найти себя и свою выгоду в этих сумерках сознания. Но магизм едва ли не страшнее именно тогда, когда он работает, нежели тогда, когда он надувает простакон и выуживает деньги.

Суеверие страшно тем, что это отказ от светлой и подлинной религиозности ради религиозности сомнительной и сумеречной. Оно страшно лишь «на фоне» большего и лучшего. Без «фона» же суеверие естественно и необходимо. Необходимо беречь скотину от сглаза и жилище — от злых духов. Необходимо вшить в одежду нитку оберега и на шею водворить амулет. Необходимо связать с неким обрядом проведение первой борозды, и, поскольку связь между «плодородием вообще» и плодородием

земли в частности слишком очевидна, обряд обещает быть ритуально–блудным.

Мы по необходимости попадаем в маскарад, в ритуально–мистическое царство, в котором живут почти все без исключения люди. С ним вообще сложно бороться, поскольку для этого нужно преобразовать человеческую природу, а сегодня бороться и того сложнее.

Советская эпоха, стремившаяся изменить человека, ставку делала не на преобразование, а на отмену и запрет. Что из этого вышло — известно. Естественная религиозность осталась неистребимой, а к возрождению язычества добавился пафос «возрождения традиций» и этнического самосознания. Теперь хороводы водят не иначе как с умным видом участников солярной мистерии. Так же и через костёр скачут.

Магизм даётся относительно легко и продвига никакого не требует. Ничего не требуя, он много обещает. Обещает успех и здоровье, чем весьма льстит современному эгоисту. Обещает обретение чувства полноты и приобщённости к роду и традиции, чем тоже угождает современному эгоисту, уставшему от внутреннего одиночества, страхов и собственной не-

нужности. В этом смысле магизм и суеверие приходится очень даже ко двору, и если бы их не было по факту, их стоило бы выдумать. Но мы ранее коснулись имени Авраама. Это не случайно.

Авраам — буквальный отец, то есть предок по плоти арабов и евреев, а также — по духу отец всех верующих в Истинного Бога. Он был язычником и сыном язычника. Но в нём Бог усматривал ту глубину, которая необходима человеку, чтобы вместить в себя нечто большее, чем естественная религия. Больше религии естественной — религия открытая, возвещённая Богом, богооткровенная.

Авраам был избран, и это избранничество принесло ему не бытовой успех и кучу удовольствий, а муку и крест. Он был многожды проведён сквозь огонь невообразимых, с точки зрения простого человека, испытаний. Обетования грезилась впереди, как миражи, а повседневность дарила внутреннюю муку и внешнее скитальчество. И всё это было сделано не ради него, но ради (пафос неизбежен) всего человечества. Ради появления избранного народа, ради воспитания в среде этого народа лучших представителей человечества, наконец,

ради появления Девы, от Которой родился Христос.

Входя в общение со Спасителем, мы входим и в духовное родство с Авраамом, отчего и сказано, что многие придут с востока, и запада, и возлягут с Авраамом, и Исааком, и Иаковом в Царстве Небесном (Мф. 8, 11). И принимая спасительную веру, мы принимаем не только обещание будущих благ, но и крест повседневной ответственности. Мы становимся странниками и скитальцами, взыскующими грядущего непоколебимого Царства. Мы ощущаем в груди горечь противоречия между чудными обещаниями и серостью повседневности. Мы начинаем внутренним чувством понимать Авраама и других людей, отмеченных близким общением с Богом. Это — черты подлинной религиозности. Черты, не исчерпывающие всего, но необходимые.

Светлая религиозность тяжела и не естественна, но сверхъестественна. Она не работает на коротких отрезках типа «сделал — получил», но требует именно веры и ожидания, как труд земледельца. Менее всего она рассчитана на людей нетерпеливых, ожидающих быстрых плодов. Она предъявляет высокие требования

к человеку, поскольку исходит от Бога, создавшего человека, а не подстраивается под человеческие похоти и прихоти. Уже того, что мы успели сказать, достаточно, чтобы понять простую вещь: людей суеверных и мыслящих магически всегда больше, чем людей, несущих веру на плечах, как крест.

У нас нет статистики, и она вряд ли возможна. Но будь она возможна, будь она объективна и будь она в виде столбцов с цифрами на нашем письменном столе, эти цифры были бы красноречивы.

С тех пор как народ наш крещён и привит к древу Церкви, вся наша жизнь зависит от людей проповедующих и молящихся. То есть — от духовенства, просветителей, катехизаторов.

На Страшном Суде «всё внезапно озарится, что казалось темно; вострепещёт, пробудится совесть, спавшая давно». Но гром и молнии проповеди прежде Суда озаряют жизнь и делают явным то, что хочет скрыться, то, что боится прямых лучей. Суд слова и проповеди прежде великого дня Суда — это и есть единственный способ рассеивания мрака и водворения на место тёплых бабкиных суеверий веры свежей и здоровой, как морозный воздух.

Христос есть Свет, пришедший в мир. Симеон Богоприимец называет Его «светом во откровение языков», то есть народов. Без этого света народы обречены на пребывание если не в полной тьме, то в привычном полумраке народной религиозности. Грустно сказать, но и через тысячу лет после Крещения мы всё ещё стоим перед лицом всё тех же задач. Правда, и утешает то, что у Господа тысяча лет как один день (Пс. 100).

Сотворение весны

Уметь читать не означает только пробежать глазами по печатному листу и, составляя буквы в слова, вникать в смысл кем-то составленной фразы. Кроме почти бесчисленных книг и журналов, у нас перед глазами всегда есть одна, никогда не закрывающаяся книга — небо и земля, природа, сотворенный мир.

Если безграмотность в отношении букв человеческих успешно преодолена, то безграмотность в отношении священных знаков, начер-

танных в природе Божией рукой, сохраняется и даже растет. Распространяются города и, вместе с их ростом, растет число людей, не замечающих природу и нечувствительных к ней.

А между тем каждую весну природа на наших глазах представляет ожившую книгу Бытия, те ее страницы, на которых повествуется о сотворении Богом мира. Мы не могли быть зрителями тех величественных картин, которые описываются в самом начале Священной Книги. Но премудрость Божия изобрела средство, чтобы ежегодно созерцали нечто подобное.

Первое слово Всемогущего было: Да будет свет! И весной, слабо светившее зимнее солнце постепенно набирает силу, день растет, теплеет воздух. Оживающая природа готовится украсить себя зеленью и цветами.

Вскоре после этого Господь сказал: Да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И что же мы видим в природе? Согретые солнечными лучами, снега и льды становятся водою. Бесчисленные ручьи и потоки стекаются вместе, вливаются в реки, чтобы затем наполнить собою моря и океаны. Обнаженная земля, отдохнувшая за зиму, является безвидной и пустой. Но она готова родить из

себя жизнь, помня сказанное некогда: Да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод. Творческое слово Божие пребывает вовек, и, послушная Творцу, земля ежегодно вновь украшается ковром из бесчисленных цветов и трав, запах которых благоухает лучше всякого ладана. Нет ничего сильнее воды. И нет ничего богаче земли. Пища для животных и человека — в ее недрах. В ее целебных травах сокрыто наше здоровье. Ее красота наполняет наши сердца радостью, и мы, вслед за Господом говорим, что это хорошо.

За растительным царством следует царство животное. Зимовавшие в теплых краях птицы, во множестве прилетают туда, откуда отступила зима. Через огромные расстояния, оставляя внизу моря и горы, они прилетают, чтобы вить гнезда, выводить птенцов, оглашать воздух радостными звуками.

Им вторит водная стихия. Из оживших водных глубин ближе к теплу, на поверхность выплывают рыбы, играют, бьют хвостом, радуются обновленной жизни. И увидел Бог, что это хорошо. И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте

воды в морях, и птицы да размножаются на земле.

И человек, этот царь видимого мира, с приходом тепла выходит из жилищ на воздух, снимает с себя тяжелые одежды, полной грудью вдыхает свежий и целебный воздух. Его, сотворенного не для лени, а для деятельности, ждет новый труд. Его плуг должен нарушить земной сон, под его веслом должна вспениться водная поверхность, свежий ветер должен надуть его паруса. Хочется сказать ему — с Богом! Да и сам он, щурясь от весеннего солнца и, по деловому, поплевав на руки, говорит себе — с Богом — и берется за работу.

Книга Бытия оживает на наших глазах. Продолжается жизнь. Будем благодарны Творцу жизни.

Между прошлым и будущим

Один богослов назвал настоящее лучом, непрерывно скользящим от уже потерянного прошлого к ещё не существующему будущему.

С этой точки зрения категория времени — иллюзия. И в то же время, каждое короткое мгновение нашей жизни — это ступень лестницы, ведущей либо ввысь, к духовным высотам, либо вниз, в бездну падения.

Совість будит память. Разбуженная память хочет усыпить совесть, чтобы человек не уходил плакать в пустынное место, а привычно занимался обычными делами. Для совести все совершённые дела не имеют срока давности. Все дела, имеющие нравственную оценку, совершены «сегодня». Так думает совесть. Поскольку она — от Бога, а Его жизнь — это вечное «днесь».

Время обманывает человека. На том бывшем поле, на том месте, где Каин убил брата, сегодня, возможно, стоит многоэтажный дом. А может, там — площадка для гольфа. Вы скажете играющим: «Люди! Не играйте здесь в гольф! Здесь совершилось первое в человеческом мире убийство!» — А вам ответят: «Ну и что? Не живите прошлым. Живите настоящим. Играйте с нами».

Быть может, это логично. Но у совести есть своя логика. Совесть упёрта и не всегда согласится даже выслушать сторонние доводы. «Вчера», «год назад» и «до Рождества Христова»

для неё существуют одновременно. Раз грех, значит, грех, и нет срока давности.

Когда мы говорим (например, листая фотоальбом) «это я в школе», «это я в армии», то смысловое ударение у нас падает на текущие и изменяющиеся обстоятельства: «в школе», «в садике», «на отдыхе». Для совести же важно то, что и там, и там, и везде — один и тот же «я».

Воспоминание о грехе обожгло тебя, но ты тут же дал приказ выступить вперёд армии оправданий. «Я не знал», «это было давно», «я в этом каялся», «так все делали». Если отдельную отговорку превратить в камень, то их количество будет достаточно для строительства большого здания. И ты даже можешь сказать со временем: «Учитель, смотри, какие здания!» Но непременно услышишь в ответ: Истинно говорю тебе. Не останется здесь камня на камне (см. Мф. 24, 2).

Спрятанное будет найдено, забытое вспомнится, то, о чём, казалось, не знал никто, будет провозглашено на крышах. Подумаешь об этом, сидя на верхней полке в сауне, и по спине пробежит холодок. Вникнешь в это, стоя на остановке трамвая в крещенский мороз, и

станет вдруг так жарко, что шапку снимешь. Прошлое не исчезло. Оно просто спряталось. И тем страшнее будет потом его внезапное появление.

Будущее тоже плодит обманы и умножает иллюзии. Оно само — будущее — ещё не наступило. Ещё оно само является только возможностью, но оно уже пытается нам лгать и умножает обещания, как аферист при торговой сделке. В нашем фантастическом будущем мы думаем, что всё успеем исправить, мы залижем раны, прикроем наготу и стыд красивой одеждой, благородной тяжестью хороших дел перевесим мусор ошибок и подлостей. В общем, «Мы заживём... Мы увидим небо в алмазах... мы будем много работать и честно есть хлеб...» Как Манилов, возможно, мы построим чудесный мост или даже осчастливим разом всё человечество.

Когда щёки болезненно румянятся от сладких мечтаний, совести тяжело восстать против этой фикции. Всё-таки мечтается о хорошем. И кому из нас не близки слова из арии князя Игоря: «О, дайте, дайте мне свободу! Я свой позор сумею искупить»? Кто и как в действительности «искупил свой позор», получив «свободу», знают, опять-таки, только Бог и совесть.

Очевидно лишь то, что мечтать бывает очень вредно. Растравленный мечтами, воспалённый ими ум способен с ещё большей силой отвращаться от действительности, гнушаться ею, удаляться от практической деятельности. Любые серьёзные перемены требуют упорства и подчас рутинного труда, когда желаемая цель кажется удаляющейся, а не приближающейся. Любитель фантазий и быстрых результатов редко способен вынести полуденный жар и тяжёлую работу.

Жить в долг — некрасиво. Опасно привыкать к кредитам, особенно если берёшь их ради вещей и целей второстепенных. Будущим, как кредитом, нельзя расплатиться за прошлое. Надеждой на будущее добро нельзя заглушать нравственную боль, рождённую прошлым. Его, будущего, может вообще не быть. Ножницы в руках главы приёмной комиссии легко перерезают ленточку на сдаваемом объекте. Ножницы смерти ещё легче перерезают ленточку нашей жизни. Чем менее «объект готов к сдаче», тем невыносимее внезапное вторжение смерти в наши планы на будущее.

Бесплодным фантазиям о будущем соответствуют ностальгические воспоминания о

былом. В «Степи» у Чехова юный герой слушал разговоры взрослых на ночлеге у костра. Ему казалось, что он видит перед собой глубоко несчастных людей, которые были безмерно счастливы в своём далёком прошлом. Этот вывод неизбежно рождался из услышанного. Обо всём, что наполняет их жизнь сегодня, люди говорили с раздражением, или злобой, или брезгливой усталостью. Когда же они вспоминали прошедшие годы, то глаза у них загорались и в голосах начинали звучать бодрые нотки. Там, в прошлом, они были сильны, умны, любимы и, главное, счастливы. Чехов вкладывает в уста юному герою важный вывод: «Русский человек не любит жить. Он любит вспоминать о жизни». Если в чеховском слове мы узнаём себя, значит, у нас внутри не всё в порядке.

В одной из проповедей митрополит Антоний (Блум) говорит о необходимости «вернуться к себе под кожу». То есть о необходимости жить конкретно, а не мечтательно. Но конкретно жить и мыслить может и торговец на рынке, и вор, заматающий следы. Значит, надо, чтобы в данном случае конкретность питалась не мирской логикой, а искренней верой.

Ведь если современного Адама Бог, как когда-то в раю, спросит: «Адам, где ты?», — то Адам скажет либо «Я вспоминаю прошлое», либо «Я мечтаю о будущем». Оба ответа не должны иметь места. По крайней мере, не должны занимать столько места в нашей жизни, сколько занимают сегодня.

Чтобы не застревать в том, что было, и не создавать в уме миражи грядущего, нужно ходить перед Богом. Это библейское выражение означает именно жить «здесь и сейчас», но не как придётся и не как захочется. Это означает жить напряжённой и внимательной внутренней жизнью и относить к себе то, что Создатель сказал тогда ещё Авраму: Я Бог Всемогущий; ходи предо Мною и будь непорочен (Быт. 17, 1) Именно исполнение этой короткой и многотрудной заповеди добавило впоследствии к имени праотца ещё одну букву. Он стал Авраамом — отцом всех верующих.

Изменение имени означает внутреннюю перемену. И мы должны измениться, чтобы получить новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает (Откр. 2, 17).

Получение нового имени совпадёт с упразднением временной разорванности. Временная

ткань, дробящаяся на столетия, года, недели, секунды, уступит время вечности. Времени уже не будет (Откр. 10, 6). Значит, прошлое больше не будет тревожить совесть, и фантазии о будущем не будут отнимать у души силу.

Философия начинается с вопросов

Философия начинается с вопросов, то бишь с удивления. Нужно ли, можно ли удивляться и задавать вопросы верующему человеку? Иначе говоря, можно ли верующему человеку быть «чуть-чуть» философом? Это важный вопрос, поскольку многим верующим людям кажется, что мыслить можно только в рамках катехизиса. Но и сам катехизис есть диалог. Там есть вопросы и ответы. «Что есть Церковь?» — «То-то и то-то». «Каково учение Евангелия о будущей жизни?» — «Таково и таково». «Можно ли мыслить об этом вот так-то?» — «Нельзя, потому что сказано то-то».

Катехизис дает некую сумму готовых ответов, но предполагает вопросы. Значит, верующему человеку можно их (вопросы, то есть) задавать и можно, следовательно, быть чуть-чуть философом.

Ужасен человек, которому все ясно. Человек, которому все ясно, это не Платон, и не Василий Великий, и не Филарет (Дроздов). Это, скорее всего, какой-то зощенковский персонаж на манер того товарища, который в ответ на вопрос барышни: «Что это соловей так нынче сладко поет?» — ответил без сомнений: «Жрать хочет, оттого и поет». Можно было бы порадоваться, что человеку все ясно и на любой вопрос ответа долго ждать не надо. Но радоваться почему-то не хочется.

Вопрос о возможности философии в христианстве формулируется так: «В христианстве можно только молиться или можно молиться и думать?» Конечно, можно думать и молиться, молиться и думать, просто думать и просто молиться. И когда человек будет думать, он будет постоянно задавать вопросы. Себе, Богу и окружающему миру. Почему все так, а не иначе? Если на все воля Божия, то я ни при чем или все же от меня чего-то ждут и за что-

то спросят? О, как много этих вопросов, и как рвутся они из самих глубин человека! Иногда они, эти вопросы, заставляют молиться, иногда мешают. Но сделать вид, что их нет или что они не нужны, что это блажь и чушь, вряд ли удастся.

Философия есть поиск Бога. По Клименту Александрийскому, она есть для язычников то же, что для евреев — Закон. Закон же для евреев, напомним Павлово слово, есть «пестун», то есть детоводитель ко Христу. Детоводителем называли раба, который водил детей своего господина к учителям. Евреев ко Христу должен был привести Закон, а язычников — размышление.

Закон требует тщательного исполнения. Казалось бы, Закон и философия — антагонисты. Но это только кажется. Поскольку Закон обширен, мелочен, скрупулезен, целостен, он для исполнения требует понимания. Человек не способен исполнять то, что не понимает. Отсюда еврейские поиски ответов на вопросы «какая заповедь в Законе большая?», «что первостепенно, а что второстепенно?» и так далее. Размышление над Законом есть аналог философии, только не в смысле свободного полета:

дескать, «думаю, о чем хочу». Это настырный труд ума в заданных рамках, это религиозная философия. Она — то нам и нужна.

Если бы не было у евреев людей, размышляющих над Законом, после Пятикнижия в Библии бы больше ничего не было. Но там есть и Притчи, и Псалмы, и Иов, и Исаия. Не было бы у них того, что называется «устной Торой», — аналога нашего Предания. Сам Христос в ответ на вопросы книжников отвечал: «В Законе что написано? Как читаешь?» (Лк. 10: 26). Не просто «что написано?», но и «как читаешь?» Очевидно, это сказано оттого, что одно и то же читать можно по-разному. Стоит дать прочесть любую книгу двум разным людям, а затем обсудить с ними прочитанное, и мы удивимся. Окажется, что в одном и том же тексте люди эти люди заметили совершенно разные места, нашли совершенно разные смыслы, почувствовали абсолютно несхожие подтексты. Один и тот же человек в разные возрастные периоды тоже понимает по-разному одну и ту же, вроде бы знакомую, книгу. Потому что повзрослел, потому что перенес опыт измены, или болезни, или разочарования в ложных идеалах. Если это справедливо в отношении

Шолохова, то почему это не должно относиться к Божественному Откровению? Значит, нельзя просто дать Святую книгу человеку: дескать, «там все есть, читай — и все будет в порядке». Нужна культура коллективного чтения, размышления, толкования. Нужно уметь многим слушать, когда один читает, а затем по очереди высказывать свое мнение о прочитанном. Нужна культура дискуссий, при которой неизбежно бывают несогласные или мыслящие различно. Но именно внутри силового поля коллективной мысли становится понятным не просто что-то кому-то, но само Откровение оживает в многогранности своей и питательно проникает в сознание духовно трудящейся общины.

Вот этого-то у нас и нет. Не то чтобы совсем нет. Где-то, наверно, есть. Но в целом — нет. А раз нет свободного движения внутри заданных координат — значит, есть стояние на месте. А стояние на месте внутри текучего мира невозможно в принципе. Там, где есть намек на него, есть неизбежная деградация и скатывание вниз. То есть происходит движение «вниз по лестнице, ведущей вверх».

Философии нет — значит, жизнь не осмысливается. А жизнь не осмысливается в двух

случаях: или жизни нет, или живущий человек неполноценен. Религиозной философии нет — значит, жизнь в вере не проходит через сито анализа и самоанализа. Вариантов тоже два. Либо веры нет, а есть лишь шелуха и «оптический обман зрения», либо верующий человек похож на растение. Жестковато звучит, но такова категоричность мысли, подобящаяся остроте скальпеля.

Догматизация мелочей и канонизация исторических ошибок происходят именно отсюда, «из сего зерна», как сказал бы Г. Сковорода. Думать люди не хотят. Религиозные люди жертвуют риском философского поиска якобы молитве. То есть говорят: «Мы не думаем, мы молимся». Но чаще всего это ложь на молитву, потому что не умеющий и не любящий думать человек молиться тем более не любит.

Молитва выше всякого размышления, и она есть высший плод трудящегося ума. Это такой плод такого ума, который вовлекает все существо человека в единый процесс молитвенного горения. Тот, кто знает по опыту огонь молитвы, ценит огонь мысли, ибо это похожие огни. Но лентяи и не молятся, и не думают. Они носят угрюмые маски и повторяют в ака-

фистах: «Радуйся, радуйся». Они интуитивно боятся, что, однажды позволив себе мыслить, додумаются до вещей непривычных и парадоксальных. Да, есть риск. Но родиться — тоже риск. Гораздо спокойнее остаться зародышем и спать в темноте утробы, а лучше — вовсе не начинаться.

Именно умственное упрощенчество сообщило русской революции религиозный характер — именно оно виновато в реках пролитой крови. Русская революция была попыткой скачка в вечность. Это был наивный запуск ракеты из рогатки. Это была насквозь мифологическая трагедия, в которой участвовали «простые» люди, желающие всемирной справедливости и прочих «святых» вещей без реального стремления к святости. Массовые участники строительства нового мира были «интуитивные христиане», которым на голову надели «вывернутое Евангелие» и которые позволили себя завертеть и обмануть именно из-за религиозного невежества и догматического безразличия. Отсутствие дисциплины ума и пренебрежение к умному труду есть наш родовый грех, похожий на добровольное проклятие. И толком выбраться из исторических

тупиков мы не можем именно из-за пренебрежения к главному достоинству человека — способности честно мыслить. Подчеркну — способности, а не умения, ибо умением еще нужно овладеть.

Оттого и ищут люди болото погуще да потеплее, чтобы улечься в него, как хрестоматийный бегемот, и высунуть на поверхность только две сопящие ноздри и два лениво моргающих глаза. И если есть бытовое болото, то отчего не быть болоту религиозному? Оно тоже есть.

Религиозное болото — это отсутствие размышления над Откровением, отсутствие живой рефлексии на слово Божие плюс пугливая ненависть к тем, кто с тобой не согласен. Эту ненависть легче всего нарядить в благочестивый сарафан «охранения традиций». Но это все — до поры до времени. Человек, честно думающий и находящийся за пределами Церкви, к Церкви придет, а человек, находящийся внутри Церкви и ни о чем не думающий, от Церкви уйдет.

Честная мысль вообще имеет то особое свойство, благодаря которому, додумав нечто до конца и донышка, жить по-прежнему уже невозможно. Мысль меняет жизнь, а там, где

жизнь не меняется, но происходит лишь смена декораций, там нет ума, там царствуют растительно–животные инстинкты, одетые в модный костюм.

«Это трудно сделать», — говорил один человек другому в отношении решительного жизненного шага. «Нет, — отвечал другой. — Это трудно понять. Если же поймешь, то уже трудно не сделать». Таково мышление. Особенно если это мышление религиозное. Оно не подвергает сомнению бытие Божие. Оно трепетно осмысливает Откровение, то есть тот опыт, до которого нельзя додуматься, если Бог его не явит. Оно смотрит на жизнь не как на схему, но как на живую — то есть меняющуюся постоянно — реальность и стремится дать появляющимся фактам правильные имена.

Именно это способность, помнится, выделяла еще не согрешившего Адама в Раю из царства животных.

Откуда приходит грусть?

Порой безо всякой видимой причины человеку бывает грустно. Дома все здоровы, и нет проблем на работе. Цветёт жасмин, щебечут птицы, и вечер обещает фантастический закат — но грустит венец природы. Словно забыл что-то и никак не может вспомнить... Грусть — она где? В крови у того, кто грустит, — или, как микроб, в воздухе, и ею все дышат?

Когда человек двигается, грустить тяжело. Гораздо легче грустится лёжа на спине, глядя в небо. Или лёжа на животе и глядя на муравьёв в траве. Рубишь дрова — не грустится. Бросил рубить, сел, вытер пот со лба — опять грустишь.

Один человек мне сказал, что грусть родилась от чувства потери. Такой потери, про которую ты забыл. То есть ты сам не знаешь, что потерял, однако же грустишь и не понимаешь, с какой стати. Допустим, ты потерял ключи от дома. Разве ты будешь грустить и, тем более, петь протяжные песни? Нет. Сто раз нет. Ты будешь ругаться последними словами, искать виноватых (жену, к примеру), будешь смотреть под ноги, словно ты — грибник, а кругом —

лес. Ты будешь зол и активен. А всё потому, что предмет потери известен.

А вот потеряли мы рай. Потеряли начисто и безнадежно. То есть так, что если искать самим, то не знаешь даже в какую сторону бежать. Но ищут, когда знают, что потеряли. А мы забыли об этой потере. Мозгами забыли, но душой помним. У нас душа временами на собаку похожа. Скулит что-то нечленораздельное, тоску нагоняет, а понять ничего нельзя. Вот откуда грусть в человеке.

Делаю вывод, что грустят все, хотя опыт этот вывод стремится опровергнуть. Я всё ищу вчерашний день и натываюсь на стройные колонны оптимистов, которым тепло на свете от полного забвения своей главной потери. Я думал, что у них есть тайна, что они так бодры оттого, что и дверцу нашли, и ключик от дверцы у них в кармане. Разговаривал, спрашивал. Оказалось, никто ничего не знает. Даже не понимают, о чем я спрашиваю. Некоторые, те, что посмышлёнее, гневно кричали: «Гони его! Он нам сейчас дурацкими вопросами совесть разбередит и душу наизнанку вывернет! А у нас футбол сегодня, финал Кубка чемпионов». Если бы у нас, как в Средние века, была культура

публичных диспутов, я бы предложил открытый диспут на тему всечеловеческой грусти. Вселенской грусти. «Вселенская грусть — двигатель прогресса». Или «Попытка забыться и развлечься как источник науки и искусства». Было бы интересно.

Грусть — это не тоска и тем более не уныние. Это — не смертный грех. Наоборот, смертным грехом пахнет оптимизм. В восьми случаях из десяти можно подозревать, что оптимист украл что-то, или избежал наказания, или придумал какую-то хитрую пакость. Оптимизмом дышит гимн Люфтваффе, тот самый, где «вместо сердца — пламенный мотор». Наоборот, все влюблённые, то есть те, кто не хочет смотреть на мир сверху вниз и сбрасывать бомбы, грустят. Влюблённые, конечно, пляшут под дождём, скачут через заборы, ночуют под окнами. Но ещё они непременно грустят.

Грустит весенним вечером девушка, ощущая себя пустой и бесполезной. Соловей щебечет, черёмуха с акацией дурманят ум роскошью запахов, а она грустит. Она чувствует, что когда-то родит новую жизнь. Но когда, когда? И как это будет? И где тот, кому можно склонить голову на плечо? И вот природа расцветает и

веселится, а человек, тот, ради кого сотворена природа, грустит и томится.

Грустит и томится юноша. Кровь в его венах — что кипятик в батареях. Но зачем он здесь? И почему Луна такая близкая, но рукой её не достать? Юноша тоже чувствует, что какая-то девушка должна родить новую жизнь. Но он не знает, какая именно, и не понимает ещё до конца, при чём тут он. А природа продолжает свою хамскую весеннюю радость. Это всё равно, как если бы царь во дворце грустил, а вся челядь, все пажи, все стражники и поварята были безумно счастливы.

Раньше думали, что человек велик потому, что сумел делать самолёты. Теперь такую глупость может повторить только человек с врождённым психическим дефектом. Человек велик потому, что ему всего мира мало. А раз ему его мало, раз не для этого мира только создан человек, то ему остаётся утешаться стихами и песнями. Человек велик потому, что он грустит о рае и поёт песни. А самолёты нынче и беспилотные есть. Они компьютерами управляются. Но никакой компьютер не споёт «Не для меня придёт весна», и никакой компьютер, услышав песню, не прослезится.

Физику понимают не все. Не все могут разобрать и собрать автомат Калашникова. Не все могут плавать под водой с аквалангом. Но влюблялись все, и грустили все. Значит, это и есть отличительная черта существа человеческого. И само человечество есть великая семья существ, потерявших рай, грустящих по этому поводу и не понимающих причин своей грусти.

Грусть — это смутная память и не менее смутное предчувствие. Это — бездна, раскрывшаяся в душе и ничем, кроме Бога, не могущая наполниться!

О душа, грустящая об утраченном блаженстве! С кем мне сравнить тебя? Сравню тебя с царевной Несмеяной. Почему бы нет? Будем говорить о великом на детском языке. Не будем бояться приоткрывать завесу над тайнами при помощи шуток и прибауток. Будем вести себя как шуты, то есть как самые грустные на свете люди, которые кажутся всем самыми весёлыми.

Царевна Несмеяна плакала во дворце. Сложность была в том, что ей самой была неизвестна причина плача. «Диагноза нет — лечить нельзя», — говорили немецкие доктора. А ца-

ревна всё плакала и плакала, так что под её тронном вздулся паркет, а в углах девичьей стала отсыревать штукатурка.

Царь-отец был человек прогрессивный. Он верил в силу таблеток и мечтал о межпланетных странствиях. «Смотри, доченька. Я тебе новую мобилку купил. В ней три гигабайта памяти». А она ещё пуще слезами заливается. «Пойдём, доченька, ко мне в палаты. Посмотрим новый фильм Стивена Спилберга». А она ещё сильнее воет, и слёзы текут без всякого намёка на исчерпаемость ресурса.

Дальше эта сказка по-разному сказывается. Но главная линия — везде одна и та же. Всё новомодное, всё блестящее, дорогое, заморское усиливало неразгаданные страдания царевны. Так она и убила бы себя страданием, так бы и потеряла зрение от слёз, если бы не любовь к человеку, которого, по причине обычности и невзрачности, никто и замечать не хотел. Он её развеселил, он её утешил, он ей слёзки вытер и к жизни вернул. Он стал ей другом и мужем навсегда.

Это, друзья мои, образ Христа, проникший в сказку. Это намёк на Христа, Которого не видят те, кто от повседневной мишуры ослеп,

и Которого по причине Его простоты и смирения не принимают всерьёз мудрецы века сего.

Ну а плачущая царица, вестимо, это — душа наша, которая ревет безутешно и страдает, якобы беспричинно, пока Небесный Жених в простой одежде не посмотрит на неё мудро и ласково.

Две правды

Есть две правды, подобные плитам, положенным в основание дома. Знание этих двух правд, двух истинных мыслей, позволяет поднимать вверх душевный дом без страха того, что он обрушится. Первая правда звучит так: я — грешник, и не живёт во мне, то есть в плоти моей, доброе (Рим. 7, 18). Вторая правда: Христос воистину воскрес, и смерть уже не имеет над Ним власти (Рим. 6, 9).

Как светильник в тёмном месте, сияет в душе моей совесть. Она мерцает, то разгораясь, то затухая, и нужен немалый труд, чтобы сохранить этот светильник горящим. Как закваска,

вложена в человеческое естество благодать Христова, и жизнь моя длится ради того одного, чтобы из Адамовой муки превратиться в тесто Христово.

Мысль о том, что я продан греху и не понимаю, что делаю (Рим. 7, 14–15), требует Великого поста с его слезами и земными поклонами. Весть о Воскресении Христовом, как «эге–ге–е–ей», выкрикнутое в горах, отзывается в душе долгим эхом и требует Светлой седмицы, с её непрерывными «Христос воскрес!» — «Воистину воскрес!»

Вслед за тем, как Христос исполнил всё, что Ему повелел Отец, Он уступил место иному Утешителю, Духу Истины, и Пасха логически стремится найти завершение в Пятидесятнице. Вот два периода — Великий пост и Пятидесятница, — в которых находят выражение и наша покаянная печаль, и наше предвкушение будущего блаженства. Сорок дней и пятьдесят дней — это четверть года. Если целый год сравнить с циферблатом, с тем ровным кругом, что описывает минутная стрелка за один час, то время от начала Поста до Сошествия Святого Духа будет равно пятнадцати минутам. Одна четвёртая, прямой угол, образованный стрел-

ками, указывающими на «12» и на «3». Если год — это круглый пирог, то время Постной и Цветной Триоди — четвёртая и самая вкусная часть пирога.

В эти дни и службы в Церкви совершаются по особым книгам. Во всё остальное время поётся Октоих, книга, взявшая имя от священной цифры «восемь». «Семь» — это образ мира сего, который был сотворён и благословлён в семь дней. А «восемь» — образ выхода за пределы этого мира и вступления в мир грядущий. И сам воскресный день можно называть, как «днём первым», так и «днём восьмым». На восемь гласов с помощью Октоиха воспевают православные люди Господа в течение всего года. Но для Великого поста и Пятидесятницы используются другие книги — Триоди.

Может быть, это нужно знать не всякому. Может, кроме духовенства, только те, что поют на клиросе, должны разбираться в этих нюансах. Но скажем об этом хотя бы ради того, чтобы подчеркнуть необычность покаянного и пасхального периодов жизни.

Дети умеют смеяться сразу же после слёз. Ещё слёзы катятся по щекам и блестят на ресницах, а ребёнок может уже заливисто смеяться.

Это тоже образ перехода от поста к Пасхе, от печали к торжеству. В двух этих режимах, слёз и радости, закаляется душа, словно выбегает из парной, чтобы броситься в ледяную воду.

Сорок дней ходила душа неприкаянная, как Мария у гроба, и плакала. Всё искала Кого-то взглядом, всё повторяла про себя одно и тоже: унесли Господа моего и не знаю, где положили Его (Ин. 20, 13). Но прошло сорок дней, а затем прошёл и измощающий ужас Страстной седмицы. И на рассвете первого дня дано было узнать душе, что значат слова: возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет от вас (Ин. 16, 22).

И ещё не успели высохнуть одни слёзы, печальные, как радостью засветилось лицо, и потекли из глаз слёзы новые, радостные.

В ту ночь оглянулась душа вокруг и увидела, что ночь — светлее дня, потому что таких же радостных, как она, душ вокруг — множество.

Строгая Любовь и обидчивые христиане

Тот великий диалог, в котором на вопрос Христа «вы за кого почитаете Меня?» Петр ответил: «Ты — Христос, Сын Бога Живого» (Мф. 16:16), был предварен не менее важными словами.

Господь спрашивал: «За кого люди почитают Меня, Сына Человеческого?», и ученики отвечали, что одни почитают Его за Иоанна Крестителя, другие — за Илию, а иные — за Иеремию или иного от пророков. На эти упомянутые имена стоит обратить пристальное внимание.

Все трое были сильны в духе, жестки в слове, гонимы людьми. Что в них напрочь отсутствует, так это дух льстивого ласкательства и человекоугождения. Они не чесали слушателей за ушком и не облизывали их, как кошка-мать — свое потомство, но к ним скорее относится сказанное: «Я поражал через пророков и бил их словами уст Моих» (Ос. 6:5).

«Порождения ехиднины! Кто внушил вам бежать от будущего гнева? Сотворите достойный

плод покаяния!» — вот некоторые из слов Иоанновых.

Горе, и стон, и плен, и разрушение Храма проповедовал Иеремия. И он называл людям грехи их, и перечислял их подробно, и отнимал у них суетную надежду, за что душа его была на волосок от смерти во все дни пророческого служения.

Бегал от Иезавели и предрекал ей бесславную смерть и ослиное погребение Илия. Он скрывался, тосковал, просил Бога забрать его душу, посрамлял жрецов Ваала и лично резал их как бессловесные жертвы сотнями при потоке. Все это трудно понять и страшно представить, но это — правда Божия. Ничего сладенького, ничего миленького, ничего мещански-добренького не было заметно в Илии. Равно как и в Иоанне, равно, как и в Иеремии.

Ну что ж, скажут знатоки катехизиса. На то он и Ветхий Завет с его религией страха и авторитета, подчинения и угроз, строгих наказаний и телесных благословений. Да, возлюбленные дети евангельской благодати. Вы, как всегда, отменно правы в области теоретической. Но давайте заметим одну черту, по-

видимому, незначительную, но по истине — важную и знаменательную.

Воплотившаяся Любовь, Слово, ставшее плотью, вечная Премудрость Божия спрашивает: «За кого Меня почитают люди?» И ученики, пересказывая народный слух, отвечают, что почитают люди Христа за Иоанна Крестителя, за Илию, за Иеремию. Они не говорят, что людям не с кем сравнить Христа, ибо Он нежен, как кормилица, добр ко всем, как дедушка к внукам, и мягок, как елей. Нет, люди сравнивают Христа с пророками, которые провели жизнь в слезах и борьбе, обличали, грозили, боролись, были не поняты и отвержены, не имели того, что мы называем «личная жизнь», были подобны израненным воинам.

Неужели ошиблись люди? Нет, не ошиблись. Это мы ошиблись, создав для успокоения совести шаблонный образ добренького Иисуса, хотя ни Слово Божие, ни тем более грядущий Суд не дают нам на это права.

Дело не только в том, что Христос, как Иоанн, возвещает покаяние, как Илия, воскрешает мертвых и, как Иеремия, возвещает неминуемые и грозные кары на лукавых грехолюбцев. Дело также и в том, что во Христе

есть милость, но нет ласкательства. В Нем есть любовь, и Сам Он — Любовь, но это любовь настоящая, которую мы часто и за любовь-то признать не умеем.

Христос действительно прост и доступен, но в самой простоте непостижим. Он явил Себя, но «никто не знает Сына, кроме Отца» (Мф. 11:27). В Нем нет сентиментальности, слезливости, а любовь Он явил жизнью, делом и Жертвой, а не риторическими упражнениями.

Об этом нужно говорить, чтобы сокрушить очередного идола. Идолы это ведь не мраморные истуканы с идеальными пропорциями, а главным образом ложные мысли и неверные жизненные установки. Христианская любовь — зрячая, крестная и требовательная.

Люди же мнят любовью сентиментальное сюсюканье и всепрощение, рожденные не столько состраданием, сколько безразличием. «Не смейте нас ругать. Христос сказал всех любить», — говорят одни. «Да мы вас и не ругаем. Делайте, что хотите. Только нас не трогайте», — отвечают другие. Это у нас одна из разновидностей любви такая, якобы вычитанная в Евангелии.

Стоит обратить внимание на то, что Христос сравнительно мало говорит о любви. Он го-

ворит о ней как о «новой Заповеди» ближайшим ученикам на тайной Вечери, в атмосфере сгущающейся угрозы и приближающейся искупительной смерти. Он говорит о ней не как о чем-то легком, радостном и естественном, а как о вершине Откровения. Он Сам готов делом через некоторое время на Кресте доказать Свое Новое учение молитвой за распинателей и введением в Рай одного из разбойников. При жизни же и служении Он не злоупотребляет словом «любовь».

Он не говорит: «Дорогие мытари и грешники, милые саддукеи и фарисеи! Я вас очень люблю. Ну, просто очень. Любите же и вы всех людей, и будемте жить в мире». Вместо этого Он часто говорит «Горе вам, лицемеры...» Это и есть любовь в действии, поскольку любить не означает расшаркиваться и расплываться в улыбках, а вынимать занозы и перевязывать раны, несмотря на то, что больной морщится.

«Скажите праведнику, что благо ему, ибо он будет вкушать плоды дел своих; а беззаконнику — горе, ибо будет ему возмездие за дела рук его» (Ис. 3:10). Вот — любовь в действии.

Назовите человека собакой, и он страшно обидится или даже полезет драться. А Христос говорит одной из женщин, просящей исцеления для дочери, что надо прежде накормить детей. Не хорошо кормить псов сначала. Это как если бы мы пришли к врачу, а он сказал нам, что лечит только людей, а нас или детей наших, поскольку мы псы, а не люди, он лечить не будет. Это представить невозможно! Да это же уголовное преступление! Но это лишь вольный пересказ одного из евангельских событий, закончившегося исцелением страдающей девочки (См. Мф. 15:21–28).

Да, Христос испытывал веру матери. Да, Он знал все заранее и потом—таки исцелил ее дочь. Но как жестко Он ее испытывал, и как велика была ее вера, и как все это не совпадает с иллюзорными представлениями о сладенькой Иисусовой доброте!

А у нас нет такой великой веры, как у этой женщины, и такой готовности принимать все приключаящееся как от руки Божией. Потому мы и остаемся неизцеленными и обиженными. На Бога обиженными.

Он постоянно ведет Себя с нами не так, как мы ожидаем. Вплоть до того, что мы Ему

храм воздвигнем, а Он нам скажет, что на месте этом камень на камне не останется. Мы Ему «Господи, Господи, открой нам!», а Он нам: «Отойдите, не знаю вас». В общем, Он Себя с нами ведет, как Господь: непредсказуемо и парадоксально.

Когда нагресишь и глаза к небу поднять стыдишься, когда буквально сгораешь стыдом, Он приходит, как роса, и прохлаждает душу. А когда разгордишься и возомнишь нечто, Он готов сплести бич от вервий и выгнать тебя из храма вон вместе с продающими и покупающими. Одним словом, Он — Господь. Ему — слава, а нам — страх, сокрушающий внутренних идолов.

Все это сильно касается священников. Нормальному человеку хочется жить со всеми в мире и людям угождать. Хочется всем улыбаться, как парикмахер — подстриженному клиенту или продавец — покупателю. Хочется быть культурным и ласково безразличным и получать в ответ микродозы культурной вежливости, но так, чтобы в душу никто не залазил. Но священнику это «простое счастье» заказано под угрозой превращения в лжепророка.

Раз ты должен проповедовать слово Христов, то и ты хотя бы по временам должен вспоминать об Илии, Иоанне Крестителе и Иеремии. Не говорю — быть похожим, но говорю — хотя бы вспоминать. Эти трое сказок не рассказывали, и по мере приближения бед возвышали голос грозный и отрезвляющий. Их могли считать бесноватыми и неистовыми. Они могли казаться врагами народных святынь. Благо, не было в их дни такого идола, как толерантность или такой бумажки, как Декларация прав человека. Если бы эти вещи существовали в их дни, жизнь пророков была бы еще более тягостна.

Священнику все это должно быть понятно более, чем кому-то другому. От него ждут, что он будет добрым доктором Айболитом; он же, между тем, призван быть Иеремией; а на деле он — просто человек, которому поручено невыносимо ответственное служение, и которое он проходит то в страхе, то в изнеможении, то в недоумении.

Священник не обязан хвалить людей. Он не обязан и ругать людей. Он обязан молиться за людей, учить их правому пути и усиливаться любить их, что есть само по себе дело почти

невозможное и без благодати Божией просто не существующее в природе. Если Бог даст священнику любовь, то тогда сама любовь научит всему, сама укажет время для того чтобы обнять и время для того, чтобы уклониться от объятий; время нанести рану и время рану уурачевать (См. Еккл гл. 1).

А люди (все люди, включая священников) между тем, по слову Павла, неууолимо движутся к тому, чтобы до конца стать «самолубивыми, сребролюбивыми, гордыми, надменными, злоречивыми... более сластолюбивыми, нежели боголюбивыми, имеющими вид благочестия, силы же его отрехшимися» (2 Тим. 3:2–5).

Здравого учения они «принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху» (2 Тим. 4:3). И всякий священник должен будет жить среди них, молиться за них, учиться и усиливаться полюбить их, выслушивать от них недоумения, упрехи и претензии. По неволе не раз и не два придется вспоминать одиночество Иоанна в темнице, когда наверху шумело Иродово празднество; и слезы Иеремии на развалинах Святого Города; и горькие слова

Илии: «Священников Твоих убили, жертвенники твои разрушили и мою душу ищут».

Иоанн, Иеремия, Илия...

Что потом?

Что изменило для нас Воскресение Христово? Это величайшее событие взорвало всю жизнь человечества — и то, что после жизни. Мы получили надежду, смысл и радостный ответ на самые сложные вопросы.

Булгаков, известный многим по роману «Мастер и Маргарита», дружил с Ильфом, не менее известным благодаря «Двенадцати стульям». Однажды, когда Ильф был серьёзно болен, Михаил Афанасьевич пришёл развлечь и ободрить друга. Он много говорил, рассказывал истории, в частности, одну, случившуюся с ним в Грузии.

В каком-то министерстве с дикой аббревиатурой в названии Булгакову и его спутникам пообещали помощь с транспортом. Товарищ, обещавший содействие, попросил подождать

его, а в это время к Булгакову подошёл улыбающийся человек и спросил: «Как дела?» Булгаков говорит: «Нормально. Сейчас дадут машину, и поедем на вокзал». Товарищ, лучезарно улыбаясь, говорит: «А потом?» — «Потом до порта и — на пароход». Тот опять: «А потом?» Булгаков, начиная смущаться: «Потом опять на поезд». — «А потом?» — «Потом с пересадками — до Москвы». — «А потом?» Булгаков, совсем растерявшись: «Потом с утра — в редакцию, в театр, по делам, в общем». — «А потом?»

«Уж не знаю, чем бы всё закончилось, — говорит Булгаков, — но подошёл тот самый, обещавший содействие, товарищ и говорит: “Оставьте этого болвана. Он иностранец и по-нашему знает только две фразы”».

Булгаков засмеялся, ожидая такой же реакции от Ильфа. Но Ильф серьёзно посмотрел на товарища и спросил: «А что потом, Миша?» Болезнь Ильфа была серьёзной. Быть может, дыхание ангела смерти уже холодило ему затылок. Там, где легкомысленное сердце не замечало метафизики, для Ильфа уже звучали вечные вопросы. «Что потом?»

Милосердный Боже! Каким холодом веет от этого вопроса для тех, кто не верит в жизнь

будущего века! Заставьте неверующего человека вслушаться сердцем в эти два слова — что потом? — и скрипач опустит смычок, водитель заглушит мотор, профессор захлопнет книгу. Переместите мысль о смерти с задворков сознания в центр, и в памяти оживут строчки Лермонтова: «И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, такая пустая и глупая шутка».

Но что я слышу? Не все скрипачи опустили смычки. Кто-то продолжает играть струнный концерт Альбинони. Не все водители заглушили моторы. Кто-то, притормозив на секунду, бодро поехал дальше. Не все профессора покинули кафедры. Остались и те, кто окрепшим голосом продолжил чтение лекций. Откуда у них эта сила и желание жить дальше, если два слова — что потом? — доведённые до сознания, должны были положить в гроб любой оптимизм и, словно двумя гвоздями, прибить над ним крышку?

О, уверяю вас, у них есть секрет. Не от бесчувствия и не от бессмыслия они продолжают привычный труд. Драма смерти внятна их сердцу более, чем многим другим. Но, остановившись на малое время, они произнесли волшебные слова и исцелились от страха. «Христос воскрес»

из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав», — вот что произнесли они, и, словно вурдалак при свете утренней зари, словно хандра при звоне колоколов, исчезла для них безмерная печаль и бессмыслица.

Христос воскрес, и апостолы, в день Распятия похожие на распуганных овец, лишившихся Пастыря, стали подобны львам. Царственным рыком бесстрашной проповеди они огласили Вселенную.

Христос воскрес, и мученики тысячами и десятками тысяч стали встречать смерть с улыбкой. Девушки спешили под меч радостнее, чем под венец, и дети опережали сильных мужчин в храбрости.

Христос воскрес, и реки премудрости потекли от уст святителей и проповедников, ещё недавно живших во тьме греха и невежества, но омывшихся, но оправдавшихся, но освятившихся именем Иисуса Христа и Духом Бога нашего.

Пустыни заселились монахами, потому что Христос воскрес!

Погасли костры в демонских капищах, и сами капища превратились в храмы Божии, потому что Христос воскрес!

Женщина уравнилась с мужчиной, господин обнял слугу, личность стала важнее, чем народ или государство, потому что Христос воскрес!

Сверху донизу разорвалась завеса в Храме. Благодать Божия, не желая быть частной собственностью одного народа, и притом — неблагодарного, сообщила себя всем, кто полюбил воплощённую Истину.

Сверху донизу треснули стены ада, и несметные души, как птицы, влетели в Небесное Царство, куда раньше всех вошёл спасённый верой и очищенный страданием благоразумный разбойник.

И я, без всякой нитки оказавшийся в лабиринте, потерявший сам себя и чувствующий себя никому не нужным, вдруг узнаю, что и я не забыт. Мало того, любим и известен Ему по имени. Во вселенской пасхальной оратории несколько нот предназначены и для моего голоса.

Жить — это значит жить вечно! И нет никакого страха в словах «что потом?» Потом будет город, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. Потом будет голос, говорящий: се скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними.

И отрёт Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло. Потом узрят лице Его, и имя Его будет на челах их.

Вот что будет потом, и то, что будет это, так же несомненно, как то, что Бог — свят. Но не завтра это будет, и не наше дело — рассуждать о временах и сроках. Идти нужно по указанному пути. Песня дорожная у нас уже есть: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав».

Духовное и душевное

В одной из проповедей Иоанна Златоустого мне случилось прочесть следующие слова о Страшном Суде: человек будет судим, во-первых, как человек, т.е. был ли он милосердным, внимательным, чутким, трудолюбивым... То есть, было ли в нем то, что должно быть в человеке по естеству, то, что отличает человека от животного. Затем человек будет судим как христианин — по заповедям Евангелия. Об

этом говорит Христос в Евангелии в следующих словах: Слово, которое я сказал вам, оно будет вас судить.

Здесь речь идет о прощении врагов, о милосердии, незлобии, целомудрии и всем том, чего не было бы в мире, если б не было Евангелия. И, наконец, затем человек будет судим как сын Церкви в том звании, которое он в Церкви носит — епископ как епископ, священник как священник, монах как монах, мирянин как мирянин. Если человек был в Церкви епископом, но не выдержал экзамена общечеловеческого, то до епископского суда ему не дойти — он будет отринут раньше.

Это касается всех. Прежде чем мы будем судимы как христиане, мы будем судимы просто как люди. В известном месте Евангелия, где говорится о Страшном Суде, Христос перечисляет ряд добрых дел, которыми отличаются праведники, а именно: накормить голодного, одеть раздетого, посетить больного и т.п.

Всякому должно быть понятно, что это не собственно христианские добродетели — такие, как молиться за врагов или раздаяние имущества, а добродетели собственно общечеловеческие. Поскольку и мусульманам, и иудеям,

и атеистам понятно, что нужно участвовать в скорбях ближних любовью и состраданием. Возможно, Христос в словах о Страшном Суде намеренно минимизирует требования к человеку. Если ты не был верным в малом, то, конечно же, и в большем ты верен не был. Вот на этом меньшем уровне мне бы хотелось остановиться.

Святоотеческая мысль четко и правильно различает в человеке сферы телесного, душевного и духовного. К душевному относится литература, музыка, поэзия, то есть сфера изящного во всех ее проявлениях. Ну а духовное — это вера, покаяние, молитва, пост и прочие христианские подвиги.

Христианские учителя отмечают, что душевное делает человека эстетически чутким, утончает его и разрыхляет его душу, но само по себе не спасает. В этом смысле справедливо упрекать деятелей культуры в натяжке, когда они свою работу называют «духовной». Поэт, художник, режиссер, сценарист — это не люди духовного труда. Это люди труда душевного. Но обратной стороной медали является также то, что невозможно дать человеку духовное, не дав прежде душевное. Об этом пишет апостол

Павел, говоря, что «вначале душевное, а потом — духовное».

Из уст одного церковного человека мне пришлось слышать горькие слова о том, что культура расцерковлена, а Церковь — обескультурена. Праведный гнев вызывает существование поэтов и писателей, никогда не читавших Евангелие, а также существование христиан, презирающих всякую поэзию и литературу. И то, и другое — нонсенс, т.е. явление, не имеющее смысла, явление уродливое.

Языком нового Завета является язык греческий. Это не случайно. До тех пор, как на землю греческой ментальности были посеяны семена Евангелия, эта земля была вспахана и разрыхлена трудами сотен философов и рожденных от них философских школ. Греки искренне и горячо искали истину. В поисках ее создавали философские системы, вносили вклад в обустройство гражданского общества, занимались наукой, изучали себя. Когда же на эту плодородную почву упало Семя Сеятеля, эта почва произвела вселенских великих учителей, святителей, преизящнейших богословов.

Такого расцвета богословия, который был на греческой почве, мы больше не видим нигде.

И это — яркое доказательство того, какую пользу во Христе приносят дохристианские труды и усилия.

Мы же — поздние роды, пришедшие ко Христу тысячелетие после первой проповеди Евангелия — не имеем подобного искуса в области философии, поэзии, государственного строительства... Мы, как обладающие истиной, склонны пренебрегать тем колоссальным наследием дохристианского и нехристианского человечества, которое ведет ко Христу или помогает глубже осознать Христово Евангелие.

Нам нужно как бы постфактум, уже будучи христианами, почувствовать томление души человеческой, нуждающейся в Боге и ее стремление в поиске истины. Нам нужно также чувствовать и состояние тех наших современников, которые и сейчас живут вне Христа, ищут Его, пусть даже неосознанно.

Весь этот комплекс ощущений дан нам в мировой литературе и искусстве, мимо которых мы не имеем право пренебрежительно проходить. В православной среде нередко можно услышать голоса, строго выговаривающие нравоучения наподобие «Серафим Саровский Шекспира не читал, Сергей Радонежский Платона

не цитировал». Такие люди неосознанно поднимают планку требований к маленькому человеку на уровень жизни величайших святых. Мы должны четко понять, что образ жизни великих подвижников — это не норма для миллионов, а лишь повод удивиться, прославить Христа и покаяться.

В повседневной жизни небезопасно руководствоваться только аскетическим идеалом Святых отцов. На истинное подражание их подвигам способны очень немногие. Если же множество слабых и немощных тянутся в жизни к достижению непомерно великих идеалов, то мы рискуем получить в результате тысячи поломанных жизней и крушение этих самых великих идеалов. Православная вера монахолюбива. Лучшие наши учителя — это аскеты, девственники и подвижники. Но в этом нашем достоинстве скрывается причина наших недостатков. Неразборчиво предлагая всем подряд высокие аскетические идеалы, мы рискуем травмировать души большинства тех, кто нас слушает. Мне кажется, не стоит запрещать современному человеку ходить в бассейн, быть внимательным к своей внешности, слушать нецерковную музыку на основании лишь того,

что этого не делали святые. Мы не имеем права пренебрегать душевным и сразу говорить человеку только о духовном.

Человек — существо динамическое. Он может быть равноангельным, может быть подобным Христу, а может деградировать до состояния скота или зверя, а то и демона. Между этими полюсами каждый человек на протяжении жизни совершает свободные перемещения. Коллизией, которая стоит перед лицом Церкви, является то, что призванная к проповеди равноангельной чистоты, хриstopодражательного смирения, детского незлобия, Церковь сегодня говорит к людям, которые все более и более неспособны ее слушать, поскольку теряют не только Божье в себе, но даже человеческое.

Семья и школа уже давно почти ничему не учат. Возможно, кроме Церкви больше никто не объяснит человеку, что нужно здороваться первым, уступать старшим место, не бросать фантик мимо урны...

Эти вещи мы должны объяснять до того, как начнем разговор о блаженства евангельских. Мы не имеем права говорить с людьми о вещах высоких, не научив их перед тем вещам малым и элементарным. Современного молодого че-

ловека наугад выхваченного из дискотеки, привыкшего «торчать» и «отрываться», нужно в начале научить говорить на языке, понятном и близком к литературному, прежде чем говорить ему что-либо о Царствии Небесном. В этом противоречии я вижу одну из больших проблем церковной жизни. Призванная вести людей на небо, Церковь сегодня вынуждена вначале делать людей людьми, не давать им демонизироваться или становиться скотоподобными.

Сказанное касается в основном молодежи. Та старушка, которая возделывает десятилетиями огород и каждое воскресенье спешит в церковь, не нуждается для спасения в приобщении к мировой культуре. А вот молодежь, в т.ч. сельская, нуждается.

Во-первых, мир неотвратимо урбанизируется. Современная мировая культура — это культура больших городов. Даже живущий в селе, благодаря телевизору, радио, дискотеке вовлечен в круг современных околокультурных течений. Вот такому человеку неизбежно необходимо противоядие против пошлости современной поп-культуры, и как альтернатива — ступенька вверх — культура более высокой

пробы, раньше или позже могущая привести человека к мысли о Христе.

В отношении к общечеловеческим культурным ценностям для христианина должна существовать некая иерархическая лестница. Например, человек, любящий литургию, имеющий круг общения среди людей воцерковленных и грамотных, может не нуждаться в посещении театра (хотя и не обязан им гнушаться). А вот человеку, погрязшему в земных заботах, давно не читавшему никаких книг, ни о чем, кроме житейских дел, не думающему, может быть полезно пойти на хороший спектакль и, вылезши из скорлупы личных проблем, приобщиться к общечеловеческой боли и радости.

Молодой человек, не знающий о жизни Церкви, в силу присущей возрасту горячности, нонконформизма, может увлекаться рок-музыкой, движением хиппи и т.п. Мы не должны строго судить его за это. Хуже, если человек, уже воцерковившись, обращается вспять и увлекается тем, что свойственно людям ищущим, а не нашедшим. Такой «неблагонадежен для Царствия Небесного».

Мужская религия

Немало уже сказано слов о том, к кому русские принадлежат больше: к западному типу цивилизации или к восточному. В зависимости от того, кто во что ругательный смысл вкладывает, нас называют то византийцами, то азиатами, то рабами гнилой либеральной идеологии, то полноценными представителями христианской цивилизации. Действительно, раскинувшись на огромных просторах, как географически, так и мысленно, мы многое в себя вбираем, и то, что одним звучит, как музыка, другим звучит, как набатный колокол. Розанов как-то по поводу полемики о папо-цезаризме и цезаре-папизме (первые это — условное обозначение католиков в предреволюционной полемике, а вторые — мы) говорил: «Вот молятся простые люди в обычном храме. Кто они: папо-цезаристы или цезаре-паписты?» Не глуп ли сам вопрос? Не очевидно ли, что общие культурные и религиозные характеристики, данные большим людским массам, как-то блекнут при обращении взора на обычных людей? Похож ли на исламского фундаменталиста вот этот старый таджик с перси-

ками? А эта дама средних лет так уж непременно либералка или монархистка?

Конечно, теории блекнут, сталкиваясь с жизнью. Особенно — теории натянутые, претенциозные. Но с другой стороны нет такой ситуации, при которой «просто человек» «просто молится Богу». Когда молится человек, всегда вокруг него и в нем клокочут целые исторические эпохи, всосавшиеся в кровь ошибки и прозрения целых поколений. Молитва заостряет и обличает скрытое. По тому, как молится человек: регулярно или от случая к случаю, вместе с другими или сам по себе; определенным чином или, как Бог на душу положит; в какие дни часы, как долго и проч. — можно многое сказать о культурном и цивилизационном типе, к которому принадлежит человек. В этом отношении у меня есть определенные вкусы и предпочтения.

Я бы хотел, чтобы наш народ принадлежал в молитвенном плане к современному восточному типу или к западному, но не современному, а средневековому. Критерий — молитвенность мужчин. Примеры? Сколько угодно. Гляньте на фотографии из мечетей. Стройные ряды здоровых мужиков кладут одновременно зем-

ные поклоны. Мужской голос кричит с минарета. Мужчины сидят и слушают проповедь. Женщины есть, но их не видно. На лицо — мужская религия. Восток не обязан быть мусульманским. Такую же мужскую картину вы увидите и в христианских церквах Востока. Там тоже виден мужчина и в качестве жреца — проповедника, и в качестве прихожанина. А вот Запад обабился и давно.

Таким же, как выше сказано, должно быть и христианство. Таким оно, кстати, и есть, но в подлинном измерении, а не в том карикатурном виде, к которому мы сами привыкли. Говоря о средневековом Западе, я имею в виду, что воин, ученый, купец, ремесленник составляли большинство молящихся людей. Женщины были, но их тоже не было видно. Они к этому — хвала их покорности — и не стремились. Мужские голоса пели, мужские голоса проповедовали и мужские же голоса говорили «Аминь» в конце проповеди. Так было, и так правильно.

С некоторых пор христианство разжижилось. Женщины, на одном природном инстинкте, продолжали верить в простоте, за что им доньше честь и хвала. Но мужики заболели: гордостью, развращением ума, сомнением... Даже уже не

веря сами, мужики стали высказывать теории, что женщине, мол, нельзя без «кирхе», «киндера» и «кюхе», а нам самим это без надобности. Религии стали отводить роль сдерживающего и уцеломудривающего фактора для подвластных народов и слоев социума. Вот тогда храмы обеднели на Западе по части молящихся мужчин, а женщины — честь им и хвала — то ли не вникая в сумасшествие мужской головы и ее теорий, то ли просто по любви к Богу, продолжили ходить на мессу, и утреню, и вечерню.

Вся эта хворь перетекла к нам незаметно и естественно еще до Революции, что доказывает лишний раз нашу полную включенность в пресловутую Западную цивилизацию. Мы тоже привыкли, что мужик пьет, а баба молится; мужик на фронте с гумусом перемешивает собственную плоть, а баба молится. Мужик в космос лезет, карьеру делает, науку грызет, кровь ближнего пьет без закуски, и так далее... А баба молится. Кое-где уже совершенно привыкли, что мужчины в храме только одного хватит — священника, а прихожане — сплошь женщины. Вот эта злодейская привычка к молитвенному извращению и вызывает у меня сердечную боль и рвотный

рефлекс. Это жуткая бытовая ложь и неуместимое в голову искривление.

Наша религия – мужская. Она смелая и умная, а не тепленькая и сентиментальненькая. Отсутствие мужика в наших храмах означает отсутствие богословия, поскольку понять христианство и объяснить его может, за редкими исключениями, только мужеский ум.

Храмы должны быть полны мужчин. Молитва вообще есть мужское дело, поскольку требует не столько переживаний, сколько стойкости и внимательности.

Зайдешь в западный храм – стоит дама в шляпке перед Распятием и молится то ли о своей женской судьбе, то ли о голодающих детях в Камеруне. Зайдешь к нам – ходит душа-сестрица среди подсвечников и лепит свечки, прищепывая что-то, то ли о непутевых детях, то ли о пропавшем муже. Вот – доминанта религиозной жизни. Личная дамская беда и личный шепот перед образами.

А где наши мужики? Пьют? В горы ходят за адреналином? В Африку на сафари мотаются? На рыбалке пятую точку отсиживают? Деньги зарабатывают, чтобы в пятьдесят с «хвостиком» на малолетке в очередной раз жениться? Жи-

воты вместо сыновей выращивают? Протирают лысины на чужих подушках? Да, забыл, в блогах торчат, слюной брызжут и пальцы тренируют. Где 90% этих существ, которые почему-то крещены, но почему-то не ходят в храм постоянно и со вниманием?

Задача священства привести эту биомассу в храм, чтобы они, облагораживаясь молитвой, наполняли наши храмы так же, как мужчины Востока наполняют свои мечети. Чтоб не сюсюкали по форумам, как девочки, о Курбан-байраме на улицах Москвы, а почувствовали свою ответственность перед Богом, семьей и Родиной. В этом смысле я — убежденный сын Востока. Я принадлежу к Церкви, у Которой святые отцы на виду, а святые матери — в тени у очага. Я принадлежу к Церкви, у Которой нет и не должно быть женского священства; в Которой все святое отдано в руки мужа.

И у меня есть претензия, не столько к современному мужчине, сколько к нам всем — почему в наших храмах молящихся мужчин не большинство? Понимаем ли мы, что эта статистика смерти подобна? Заполните храмы сильными и умными представителями первой и главной части человечества, теми, что первые

сотворены, и вы тем самым опустошите ночные клубы, казино, клиники реабилитации наркоманов и всякий болотные места с нездоровой политической активностью. Женщины вам только спасибо скажут. Им самим позарез надоело жить среди тряпок, мерзавцев и лентяев. А превращение тряпки и лентяя в полноценного человека только и возможно, что под действием благодати.

Короче, друзья, когда увидите кадры из какой-либо мечети, скажите себе: «Так и у нас должно быть по части мужского многолюдства на молитве. Мы — люди Восточные. А иначе жизни не будет. Будет распад и гниение под именем прогресса»

Ну что, потрудимся?

Путь к пустыне

Далеко удалился бы я, и оставался бы в пустыне (Пс. 54, 8).

О святых людях, оставивших мир и ушедших в пустыни, говорится, что они «убегали от

мира». Думаю, что это не образный речевой оборот. Они, скорее всего, бежали так, как бегут километровую дистанцию, сдавая норматив...

Километр — самая тяжёлая дистанция. На стометровке нужен взрыв и мощное ускорение. На трёх километрах нужна выносливость и расчёт сил. Там может открыться второе дыхание. На километре же нужны и взрыв стометровки, и стайерское, длительное усилие. Те, кто убегал из мира, бежали километровую дистанцию.

Так могут бежать на перрон к отходящему поезду те, от кого собирается внезапно уехать любимый человек. Они бегут, огибая препятствия и ненароком задевая кого-то. Точно так же, максимально напрягая силы, бегут те, кому угрожает опасность, те, за кем гонятся многочисленные и вооружённые враги. Мы все видели это в кино, и дай Бог нам не знать, что это такое на практике.

Мне кажется, именно так убегали из мира Антоний, Онуфрий, Пимен. Так ли вообще бегут в монастырь? Должно быть, так, потому что уход в монастырь — это бег за Любимым, Который хочет уехать. Это бег от врагов, которые вооружены и не знают жалости.

И даны были жене два крыла большого орла, чтобы она летела в пустыню в своё место от лица змия и там питалась в продолжение времени, времён и полвремени (Откр. 12, 14). Пустыня Библии — это не географическое понятие. Барханы, верблюды и «белое солнце» могут отсутствовать. Главное — чтобы не было людей и их отравленной грехом цивилизации. Лесные дебри и горные утёсы — это тоже пустыня, если там живёт в молитве добровольно сбежавший из мира человек.

Даже не будучи богатыми верой, люди находят разные формы бегства от суеты. Туристы, геологи, охотники, скалолазы — все эти люди, количество которых в иные времена достигало заумных чисел, пили чай у костра из железных кружек, а кто-то из них под гитару пел, зачем они сюда забрались. Оказывалось, «за туманом и за запахом тайги». Отсюда, с привалов и ночёвок, из-под сияющих звёзд, огни больших городов казались тусклыми. Жизнь в этих городах казалась суетливой и мелкой, а человек, глядя в опрокинутую чашу неба, ощущал себя философом и вдыхал воздух свободы.

Цивилизация кажется значительной вблизи. Она мощна, сложна, «хитросплетённа».

Как у бегемота, которым Бог напугал Иова, у этого «животного» сила в чреслах его и крепость его в мускулах чрева его; поворачивает хвостом своим, как кедром; жилы же на бёдрах у него переплетены, ноги у него, как медные трубы; кости у него, как железные прутья (Иов. 40, 10–13). С таким зверем невозможно воевать. Но от него можно уйти, и это будет победой.

Дело в том, что мир не только угрожающе велик, организован, мощен. Дело в том, что он не любит пользоваться силой и предпочитает скорее пленить, обмануть, влюбить в себя, нежели ломать через колено и насиловать. Эта вавилонская блудница хочет любви, а не покорности, ищет сердца, а не уплаты налоговых сборов.

Неотразимо красивая и одновременно неистово развратная красавица смотрит с презрением на всех, кто в неё влюблён. На вершинах безумия она даже может требовать смерти за одну ночь любви с нею. Все ей желанны как жертвы, и все ей безразличны как личности. Словно древний демон из сказки, она любит вас, пока ест вас. Проглотив, она вас забывает, и глаз её выискивает новую жертву. Таковы

богини разврата и кровавых жертв. Тот, кто пренебрёг её красотой, тот, кто не поддался её очарованию, для неё смертельный враг и обидчик. Такова же цивилизация. Таков «мир», если говорить о нём словами Иоанна Богослова и Исаака Сирина.

От мира нужно бежать. Для начала, его нельзя любить. Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо всё, что мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, — не есть от Отца, но от мира сего (1 Ин. 2, 15–16).

Господь Иисус мог смирить искушителя в пустыне сильной рукой, мог без труда победить его и подвергнуть позору. Но тогда этой победой не смогли бы воспользоваться люди. Нужно было победить так, чтобы способ борьбы мог быть усвоен всеми детьми Адама. И Христос победил именно так: на каждый соблазн отвечая цитатой из Второзакония, смиренно и сдержанно. Спаситель выбил из рук врага, один за одним, все три вида оружия: похоть плоти (сделать камни хлебом), похоть очей (прельститься красотой царств мира) и гордость житейскую (сделать чудо: броситься с высоты в надежде на ангельскую помощь).

Давид победил Голиафа и, как трофеем, пользовался его мечом. Христос победил лукавого и открыл нам его козни, и научил сопротивляться, чтобы не сделал нам ущерба сатана, ибо нам не безызвестны его умыслы (2 Кор. 2, 11).

Всё это — плоды пустынной победы. И можем ли мы усвоить эти дары, не имея опыта пустыни? Думаю, нет. Нужна, как говорил Григорий, «неподвижность глаз и языка». Нужна сознательная отстранённость от дел мира, хотя бы на малое время; отстранённость, подобная безразличию мертвеца к осеннему показу модных новинок. Так, как в стихах сказано:

Уединение. Уйди
В себя, как прадеды — в феоды.
Уединение. В груди
Ищи и находи свободу.

М. Цветаева

Выше всех те, кто жил в пустыне, не уходя из мира. Например, блаженная Ксения. В акафисте сказано, что она жила «в суете града великого, как в пустыне, молитвы Богу возносящи непрестанно». Или Василий Блаженный. Это ведь вам не Антиохия и не Палестина, чтобы

всю жизнь прожить одетым лишь в набедренную повязку. Однако долгие годы промучился, синея от холода на улицах Третьего Рима «нагоходец Василий», согреваясь словами сорока Севастийских мучеников: «Люта зима, но сладок рай».

Во внутреннюю ли, или во внешнюю пустыню; навсегда ли, или время от времени, но нужно уходить, убегать, удаляться. Причём пораньше, чтоб не так, как запутавшийся барин-писатель (разумею Толстого), уйти на старости в никуда и умереть без Причастия.

Вслед уходящему завоет и заломит в отчаянии руки разукрашенная блудница-мир. Плюнь в неё, скажи «чтоб ты пропала» и уходи, ускоряя шаг.

Затем будет страшное знакомство с собой. Сам себя человек не знает, пока не окажется в полном одиночестве, в земле сухой, в земле тени смертной, по которой никто не ходил, и где не обитал человек (Иер. 2, 6). Все страсти проснутся, все мелкие змейки станут драконами. Всё, о чём даже не подозревал человек, станет явью, и горькое познание себя родит плач такой силы, что нужно будет воистину жить в пустыне, чтобы так плакать.

Уже вслед за тем, как останется далеко позади мир со своей обманчивой ложью; вслед за тем, как страх и недоумение родят слёзы и первые крохи смирения, даст почувствовать своё приближение и главный виновник всех трагедий.

Он не любит проигрывать и не умеет прощать. Ты и так плюнул в него, когда крестился. Этот плевок он тебе не простил. Крепись. Дальше говорить не о чем. Зови Иисуса, зови Его Мать, зови Предтечу. Теперь твой голос, призывающий их имена, надолго станет признаком этого места, независимо от времени года и времени суток. Такова последовательность: уйти от мира, смирить себя, именем Божиим сразиться со змеем.

Только в пустыне возможна настоящая встреча человека с самим собой, настоящий взгляд Дориана Грея на свой портрет. Пустыня красива, молящемуся человеку она вожделенна, но всё же жизнь в ней страшна.

Какие слова должны звучать в сознании, чтобы смотреть на мир, не прельщаясь? Прелюбодеи и прелюбодейцы! Не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот стано-

вится врагом Богу (Иак. 4, 4). Или, может, это: Выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому, и Я приму вас. И буду вам Отцом, и вы будете Моими сынами и дочерьми (2 Кор. 6, 17).

Конечно, не стоит бежать на вокзал за билетом. Но стоит, вместо просиживания вечера у телевизора, выйти в соседний парк, чтобы, подняв воротник и засунув руки в карманы, не спеша прогуляться, читая в уме псалмы. Возвращаясь домой, можно отказаться от лифта и подняться на свой этаж пешком. Можно лечь спать, не ужиная, и перед сном досыта почитать Исаию или Откровение. Уже засыпая, можно вспомнить о том, что патриарх Иаков спал, подложив под голову камень, а некоторые сейчас вовсе не спят, стоя на молитве. Сокрушённо вздохнув, можно уснуть. Ваш путь к пустыне начался.

Расправить плечи на пределе истории

Те времена, когда люди смотрели в будущее с оптимизмом, прошли безвозвратно. На земле уныние народов и недоумение; люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную (Лк. 21, 26). Точней не скажешь. У нас сегодня всё именно так. Так что, исполнилось? Будущее рисуется оптимистично только тем, кто не знает значения слова «будущее». У остальных — недоумение и ожидание бедствий.

Человечество неоднократно переживало и голод, и холод, и вооружённые конфликты разных масштабов. Но если в сознании людей пленительным и немеркнущим светом сияла идея будущего, которое нужно завоевать, приблизить, построить, на худой конец, просто дожждаться, то беды заканчивались и жизнь продолжалась. Гораздо хуже, когда головы пусты, сердца холодны и «история кончилась». Имея перед очами ума историческую перспективу, можно было в голодном 25-м году открыть «Артек». Или в системе Рабфаков в не-

отапливаемых помещениях обучать массы рабочей молодёжи теории стихосложения. Сегодня такие вещи кажутся неповторимыми.

Для неверующих будущего нет. «Как-нибудь будет», — произносят они и, глядя вперёд, видят мрак, непроницаемый, как чернила. Для верующих будущее есть, но оно задрапировано в пурпурные одежды Апокалипсиса. Ни один нормальный человек (если бы выбор эпохи для жизни был возможен) не захочет жить во времена великой скорби, какой не было от начала мира и не будет (см. Мф. 24, 21). Обычному человеку хочется обычной жизни с безгрешными радостями и «христианской кончины, безболезненной, непостыдной, мирной». Если уж нельзя убежать от сгущающихся туч, то хочется, по крайней мере, чтобы тучи не сгущались так быстро.

Это не в нашей власти. Когда становится ясно, что проблему нельзя ни обойти, ни перепрыгнуть, остаётся скрепить сердце и встречать неизбежную сложность лицом к лицу. Христос зовёт нас к воздержанию и молитвенному труду особенно тогда, когда очертания виденного глазами совпадают с очертаниями слышанных пророчеств. Смотрите же за собою,

чтобы сердца ваши не отягчались объедением, и пьянством, и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно... Итак, бодрствуйте на всякое время и молитесь, да сподобитесь избежать всех сих бедствий и предстать пред Сына Человеческого (Лк. 21, 34–36).

Итак, будем молиться. Сообщит ли телевизор о глобальных переменах в мировом климате, или опять начнутся перебои с электричеством и выплатой пенсий, или власти разрешат гей-парад... Будем молиться. Умножение молитв не означает, что мы будем добавлять слова к словам. Скорее, мы должны будем добавить огонь к огню и жар — к жару. А если у кого молитва ещё не была огнём, то, значит, он ещё ни разу не молился.

Евреи, ослепшие для нашего блага, не принявшие Мессию в Его первом Пришествии, чтобы язычникам можно было войти в число спасённых, ждали Мессию долго и продолжают ждать. Терпеливое ожидание закаляет душу и над неведомым приоткрывает завесу. Евреи давно поняли, что Мессия должен прийти после испытаний, по тяжести превосходящих все мыслимые пределы. В одной из их притч отец и сын идут вместе по дороге. Сын

больше не может идти от усталости и спрашивает у отца, далеко ли город? Отец отвечает: как только увидишь кладбище, знай, что конечная цель близка. Мысль вполне православная и с Писанием согласующаяся. Достижение цели предваряется скорбью. Перед заходом в гавань нужно будет увидеть кладбище кораблей.

И ещё считают евреи, что приход Мессии похож на роды, а роды, как известно, не только тайна, но ещё и страшная боль. Поэтому, по их мнению, нужно особо и усиленно молиться, чтобы родовые схватки, имеющие напасть на вселенную в последние дни, были смягчены и облегчены Богом. Это тоже вполне православная мысль. И не только потому, что понуждает к бодрствованию и молитве. Но также и потому, что сравнивает муки Пришествия Христова с родами. В таких же категориях об этом говорит и апостол Павел: Ибо, когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут (1 Фес. 5, 3).

То, что исполнение мировой истории, её конец, вернее, конец «этого века», будет событием уникальным и страшным, более или

менее понятно. Гораздо труднее понять то, что в этой вселенской метаморфозе будет место для радости. Когда же начнёт это сбываться, тогда восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше (Лк. 21, 28). Оказывается, когда большинство будет издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную (Лк. 21, 26), найдутся те, кто распрямится во весь рост, расправит плечи и вздохнёт с облегчением. Чтобы нам тогда повести себя таким образом, нужно уже сегодня вести себя особенно. Пусть Бог и совесть подскажут как.

В погребении самое страшное — это забывание гроба и опускание его в землю. Родственники часто лишаются чувств, кричат, забывая обо всех приличиях, бросаются в яму за любимым телом. Любой священник видел это много раз. И, глядя на этот кошмар, думает священник: как же нужно прожить свою жизнь, чтобы суметь повторить Павловы слова: Для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение? Как нужно прожить свою жизнь, чтобы не бояться ни смерти, ни посмертного суда и чтобы провожающие тебя больше молились, чем плакали? Будущий Страшный Суд — это

похороны привычного мира. Мир, такой, каким мы его знаем, умрёт безвозвратно. Воспламенённые небеса разрушатся, и разгоревшиеся стихии растают (2 Пет. 3, 12). Если так всё это разрушится, то какими должно быть в святой жизни и благочестии нам, хотящим в тот День распрямиться и без стыда посмотреть в глаза Судии Праведному?

Оглавление

Человек по имени Иисус	10
Ты пришел!.....	19
Открыть Ему двери	27
Задача номер один	32
Христианство невозможно выдумать.....	39
Возраст зрелости.....	46
Догмы	52
Ангельская песнь	58
Ясли и крест	62
Храм.....	68
Один за всех и все за одного	78
Напоминание.....	86
Чудотворство	91
Прорыв в Вечность	99
Лестница.....	104
Сумерки сознания	110
Сотворение весны	117
Между прошлым и будущим	120
Философия начинается с вопросов.....	127

Откуда приходит грусть?.....	136
Две правды	142
Строгая Любовь и обидчивые христиане	146
Что потом?	155
Духовное и душевное.....	160
Мужская религия	169
Путь к пустыне	175
Расправить плечи на пределе истории	184

Духовно-просветительское издание

Протоиерей **Андрей Ткачев**

РЕЛИГИЯ СЕРДЦА

Подписано в печать 23.12.14. Формат 70х100/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6.0.
Тираж 10000 экз. Заказ 5873/14.

ООО «Издательство «Николин день»
105187, г. Москва, ул. Щербаковская, д. 53, корп. В

Отпечатано в ООО «ИПК Парето-Принт»
170546, Тверская область, Калининский район,
Бурашевское сельское поселение,
промышленная зона Боровлёво-1,
комплекс № 3 «А»

Чего на сердце нет, того и на самом деле нет. Вера не есть вера, любовь не есть любовь, когда на сердце не имеется, а есть лицемерие. Смирение не есть смирение, а притворство, если не в сердце; дружба не дружба, а хуже вражды, если внешне только проявляется, а в сердце не имеет места. Поэтому Бог требует от нас сердца нашего: «Сын мой, отдай сердце твое Мне» (*Притч. 23:26*).

